

Филип Хосе ФАРМЕР

под псевдонимом
Килгор Траут

ВЕНЕРА
НА ПОЛОВИНКЕ
РАКОВИНЫ

Мастера фантазии

Филип Фармер

**Венера на половинке раковины.
Другой дневник Филеаса Фогга**

«Издательство АСТ»

1973, 1975

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Coe)-44

Фармер Ф. Х.

Венера на половинке раковины. Другой дневник Филеаса Фогга /
Ф. Х. Фармер — «Издательство АСТ», 1973, 1975 — (Мастера
фантазии)

ISBN 978-5-17-127376-7

Филеас Фогг, капитан Немо, Тарзан, Шерлок Холмс, Док Сэвидж... Знакомые с детства книжные персонажи настолько дороги читателям, что другие авторы не прочь стряхнуть пыль с пожелтевших от времени страниц и продолжить приключения воображаемых кумиров, придав тем самым новые смыслы любимым героям. Филип Фармер – один из безусловных фанатов «оживления» классики. Своеобразную литературную игру он придумал в 1975 году, выпросив у Курта Воннегута его любимого персонажа, писателя-неудачника Килгора Траута, от имени которого и написана «Венера на половинке раковины». К сожалению, грандиозные планы Фармера по составлению сборника, в котором его коллеги-писатели создавали бы произведения под масками вымышленных литераторов, не увенчались успехом. Однако неистощимой энергии самого Фармера с лихвой хватило на многочисленные романы и повести, в которых герои плаща и шпаги, перископа и секстанта, бластера и ассегая соперничают между собой, а их необыкновенные похождения расцветивает неоновыми благородными гравюрами Жюль Верна, Герберта Уэллса, Уильяма Берроуза и других достойных членов авантюрно-приключенческой гильдии. В сборник вошел также «Другой дневник Филеаса Фогга», приоткрывающий тайну смертельного противостояния двух близких знакомых Жюль Верна – Филеаса Фогга и капитана Немо.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-127376-7

© Фармер Ф. Х., 1973, 1975
© Издательство АСТ, 1973, 1975

Содержание

Венера на половинке раковины	7
Предисловие. Почему и как я стал Килгором Траутом. Филип Хосе Фармер	8
«Неприметная жизнь и тяжелые времена Килгора Траута».	13
Спорные моменты биографии. Филип Хосе Фармер	
1. Легенда о Космическом Страннике	22
2. На пикниках всегда идет дождь	23
3. «Хуанхэ»	29
4. Какой счет?	35
5. Буджум[1] пространства	39
6. Шалтун, планета с равным временем	46
7. Королева Маргарет	52
8. Планета для некурящих	58
9. Чворктэп	64
10. Проблема на Жиффаре	66
11. Лалорлонг	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Филип Хосе Фармер (Килгор Траут)
Венера на половинке раковины.
Другой дневник Филеаса Фогга

Philip Jose Farmer

Kilgore Trout

VENUS ON THE HALFSHELL

THE OTHER LOG OF PHILEAS FOGG

© Philip Jose Farmer, 1973, 1975

© Перевод. А. Бушуев, Т. Бушуева, 2022

© Перевод. Н. Нестерова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Венера на половинке раковины

*Посвящается животным и звездам. Их не беспокоят такие вещи,
как свобода воли и бессмертие.*

Лишь перечитав «Венеру на половинке раковины», пока готовился к написанию этого предисловия, а также прочтя посвященные ей рецензии и письма, я вспомнил, с каким удовольствием работал над ней.

Предисловие. Почему и как я стал Килгором Траутом. Филип Хосе Фармер

Когда я сел за пишущую машинку, чтобы начать эту книгу, я был Килгором Траутом, а не Филипом Хосе Фармером. Идеи, персонажи, сюжет и ситуации нахлынули волной, столпившись у порога в моей голове. Ворвавшись внутрь, они закружились вихрем, держась за руки, словно танцоры на сельских танцах или участники морской кадрили. Вот это было веселье!

Шесть недель спустя роман был готов, но все это время музыку транслировали Кант, Шопенгауэр и Вольтер. Дорогим гостем была Эпистемология, почему-то очень похожая на Льюиса Кэрролла. Моя жена знала, что я славню проводил времечко, потому что слышала взрывы моего хохота, долетавшего вверх по лестнице из подвала нашего дома прямо на кухню.

У меня был умеренный творческий разлад с романом, над которым я на тот момент трудился. Работа продвигалась медленно, с частыми остановками. Но, стоило мне на время отложить этот роман и преобразиться в бестолкового писателя-фантаста Килгора Траута, как я стал писать так, словно был одержим неким падшим ангелом. Кем на самом деле и был бедный старина Траут.

Истоки этого проекта лежат в начале 1970 годов. Тогда я пребывал в безумном восторге от произведений Курта Воннегута. Особенно меня заинтриговал Килгор Траут, присутствовавший в романах «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер» и «Бойня № 5». Позднее Траут также появился в «Завтраке для чемпионов», но этот роман тогда еще не был опубликован.

В пятый раз перечитывая «Мистера Розуотера» (в 1972 году, насколько мне помнится), я наткнулся на эпизод, где Фред Розуотер берет в руки одну из книг Траута в отделе порнографической литературы книжного магазина. Это была книга в мягкой обложке (ни один из опусов Траута не вышел в твердом переплете) под названием «Венера на половинке раковины». На задней обложке имелось фото автора, бородатого старика, похожего «на испуганного, постаревшего Иисуса», а ниже – краткое изложение «горячей сцены» из книги.

Эпизод, посвященный «Венере», отличается от других, которые описывают сюжеты произведений Траута. Таким образом, Воннегут устами Траута высказывает свои сатирические или ироничные взгляды на нашу земную цивилизацию и природу Вселенной. В «Венере» нет описаний сюжета, а герой известен лишь как Космический Странник. Не считая краткой версии текста на обороте обложки, нет никаких намеков на то, о чем, собственно, эта книга.

В тот момент, когда я перечитывал эту часть книги, из моего подсознания возник некий камертон и пощекотал мои нервные ганглии. Короче говоря, меня посетило вдохновение. Огни зажглись, зазвонили колокола.

«Эй! – подумал я. – Читатели Воннегута считают, что Траут – всего лишь вымышленный персонаж! Что, если бы одна из его книг действительно появилась на полках книжных магазинов? Разве это не снесло бы крышу читателям Воннегута?»

Не говоря уже о моей собственной.

И я подумал: «Кому, как не мне, взяться за написание “Венеры”, ведь я такой же, как и он, бестолковый писатель-фантаст, чья ранняя карьера – точная копия карьеры Траута? Меня облапошивали издатели; даже корпясь над книгой, я был вынужден браться за любую работу, чтобы прокормить себя и мою семью, я страдал от непонимания читателями моих произведений и был вынужден терпеть презрение тех, кто считал, что научная фантастика – мусорный жанр без каких-либо литературных достоинств. Основное различие между Траутом и мной заключалось в том, что я, пусть немного, но зарабатывал, и ни один из моих рассказов не появился в пошлых порнографических журнальчиках, где, в случае Траута, они выступали в качестве заполнителей места между фотографиями голых или полуголых женщин. Хотя верно

и то, что в глазах широкой публики и кое-кого из ученых мужей научная фантастика была лишь на крохотную ступеньку выше порнографии».

Мое сердце вспыхнуло, как Сверхновая, и я написал Дэвиду Харрису, редактору научной фантастики издательства «Dell» (издателю Воннегута), предлагая написать «Венеру», как если бы это сделал Килгор Траут. Он ответил, что это превосходная идея, и дал мне адрес Воннегута, чтобы я мог связаться с ним и попросить разрешение на такой проект. Я ни секунды не колебался. В конце концов, «Венера» будет данью моего уважения достойному Воннегуту. Я отправил ему письмо, в котором кратко изложил мое предложение. Прошло много месяцев. Никакого ответа. Я отправил еще одно письмо, но вновь долгие месяцы ожидания. Наконец я решил, что мне стоит позвонить Воннегуту. Дэвид Харрис дал мне его телефонный номер.

Чтобы позвонить Воннегуту, мне пришлось собрать волю в кулак. Он был маститый автор, я же был из числа писателей-фантастов, на которых он ранее посматривал свысока. Но, когда я все же набрался смелости позвонить ему, он оказался весьма приятным человеком, лишенным всякого высокомерия. Он сказал, что помнит о моих письмах, хотя и не объяснил, почему не ответил мне. Я вновь обрисовал ему мои идеи и, дабы сломить его сопротивление, сказал, что в немалой степени отождествляю себя с Траутом. На что он ответил, что также отождествляет себя с ним. И что он боится, что люди подумают, что книга будет мистификацией.

Я был сражен наповал. Конечно, это будет мистификация, и люди об этом узнают. Но я взял себя в руки и привел ряд новых доводов. Наконец, он смягчился и дал мне разрешение написать «Венеру» под именем Траута. Я предложил разделить с ним гонорар, но Воннегут великодушно отказался. Лишь потребовал, чтобы в «Венере» ни в коем случае не были упомянуты ни его имя, ни его произведения.

Я поблагодарил его и с воодушевлением взялся за работу. В каком-то смысле я был Килгором Траутом, и я писал такую книгу, какую, как мне казалось, написал бы Траут. При этом я попытался придать тексту, персонажам, сюжету и философии «Венеры» дух Воннегута. В конце концов, Воннегут признался мне, что он также, в некотором смысле, Траут. При написании «Венеры» я был ограничен лишь необходимостью сделать главного героя Космическим Странником и включить в текст расширенное изложение краткой версии «горячей сцены», как то описано в «Мистере Розуотере». Я не стал подражать Воннегуту в использовании куцых слов и предложений типа: «Вошел Дик – вошла Джейн – вошел пес». С другой стороны, я пытался не дать моему тексту стать похожим на прозу Уильяма Фолкнера. Воннегут писал очень простую прозу, потому что был невысокого мнения об умении сосредоточиться и общих литературных и лексических познаниях студентов 1970 годов, которые составляли немалый процент его читателей.

Стоит отметить, что такие писатели-фантасты, как Айзек Азимов и Фрэнк Герберт, не чурались сложных идей и сюжетов, длинных предложений и слов, что не мешало им, однако, пользоваться популярностью у студенчества и широкой читательской публики.

Главный герой «Венеры» получил имя Саймон Вагстафф. Саймон, потому что он был своего рода Саймоном-Простаком из детского стишка. И Вагстафф, потому что во время различных сексуальных встреч он, конечно, «вилял» (и помахивал) своим мужским «жезлом». Я также, в отличие от Воннегута, включил в текст много ссылок на литературу и вымышленных авторов. Неважно, что средний читатель их не поймет, и что это оценят лишь литературоведы. Ну, или так мне тогда казалось. Я был слишком непонятен даже для самого образованного слоя ученых мужей.

Многие ли знали, что Сайлас Т. Комбербек, космонавт, поклонник бейсбола (что-то вроде Древнего Моряка) из «Венеры», это псевдоним великого британского поэта Сэмюэла Т. Кольриджа во время его недолгой службы в английской армии? Или что Бруга, любимый поэт Траута, был позаимствован (с разрешения автора) из романа Бена Хекта «Граф Бруга»? И

что прообразом самого Бруги, безумного еврейского поэта из Чикаго в духе Ч. Буковски, был друг Хекта, Максвелл Э. Боденхайм, поэт и алкаш из Гринвич-Виллидж 1930 годов? Или что «Венера» изобиловала десятками подобных ссылок на других вымышленных авторов? Кому это было важно, кроме меня?

Большинство инопланетных имен «Венеры» были созданы путем перестановки букв английских или неанглийских слов. Так имя Чворктэп, Chworktap, происходит от слова patchwork, «лоскутное одеяло». Докал – от слова caudal, что означает «имеющий хвост». Планета Зельпст – фонетическое написание немецкого слова selbst, то есть «я сам». Планета Рапрошма – это искаженное французское слово «рапрошман», rapprochement, сближение. Планета Клерун-Гофф происходит от немецкого aufklärung, «просвещение». И так далее. Большинство читателей проявляют благоразумие, не заморачиваясь такими словесными играми, но мне они доставили немалое удовольствие. И я полагаю, что Траут, хотя он имел лишь среднее образование, много читал и охотно сыграл бы в ту же игру.

Философская основа «Венеры» касалась свободы воли и бессмертия. В «Завтраке для чемпионов» Трауту хочется вернуть молодость. Да и такая тема, как предопределенность, безусловно проходит красной нитью через многие произведения Воннегута. Воннегут схож с Марком Твеном в том, что он верит (или пишет так, как если бы верил), что в мире все предопределено. Твен считал, что все физические вещи, наши мысли и поведение были механически заданы в тот момент, когда в начале этой Вселенной первый атом врезался во второй атом, а второй – в третий. И так далее. Воннегут, по-видимому, считает, что причиной нашей неспокойной, пронизанной насилием и жестокостью жизни и иррационального поведения является действие неких «плохих химических веществ».

Мне это интересно, потому что на протяжении пятидесяти восьми лет меня интересовала проблема соотношения свободы воли и преддетерминизма. Однако я считаю, что у людей действительно есть свобода воли, хотя лишь немногие пользуются ею. Возможно, я верю в это, потому что мне самой судьбой было предопределено это сделать. Но, будучи Траутом, я писал так, как если бы Твен и Воннегут были правы в своей вере в преддетерминизм.

В любом случае, Воннегут является абсолютным сторонником преддетерминизма в том смысле, что в его произведениях нет ни злодеев, ни положительных героев. Ни на ком не лежит никакой вины ни за что, даже за самые черные дела, за самый колоссальный эгоизм, дикость, глупость и алчность. Так все устроено и не может быть иным. Только Бог, совершенно безразличный, отвечает за все, но, возможно, даже и не он. Траут придерживается того же взгляда.

Подобно тому, как Элиот Розуотер, мультимиллионер из романов «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер», «Бойня № 5» и «Завтрак для чемпионов», считает, что Траут – величайший писатель из всех, когда-либо живших на Земле, так и Траут в своей «Венере» заставляет героя Саймона Вагстаффа поверить, что Джонатан Свифт Сомерс-Третий – величайший писатель, который когда-либо существовал. У Вагстаффа также имеется и его любимый поэт – Бруга.

В «Венере» кратко описаны сюжеты некоторых рассказов Сомерса, а также цитируются стихи Бруги.

Сомерс-Третий – мое творение, но он внук судьи Сомерса и сын Джонатана Свифта Сомерса-Второго. Те, кто знаком с «Антологией Спун Ривер» Эдгара Ли Мастерса, узнают последних двух джентльменов. (Упомянуты с разрешения наследников Мастерса.)

Один из главных героев Сомерса-Третьего – Ральф фон Вау-Вау (Wau Wau – по-немецки означает «гав, гав»!). Он – немецкая овчарка, чей интеллект был поднят неким ученым до уровня гениального человека. Ральф также и писатель, и я планировал написать от его лица рассказ под заглавием «Некоторые люди не воняют». Главным героем этой истории был бы писатель Шортер Вондергут. («Шортер» от немецкого «курт», то есть короткий, а Вондергут – от немецкого «фон дер Гут», то есть «с [реки] Гут».).

Таким образом, цикл вымышленных авторов был бы полным. На самом же деле, я под именем Сомерса написал целых два рассказа о Ральфе. Они были опубликованы, но я сомневаюсь, что когда-нибудь напишу полностью весь цикл. Я миновал этот этап. Он доставлял веселье, пока не закончился.

Рукопись «Венеры» отправилась в издательство «Dell» с несколькими моими фотографиями в образе Траута (с большой накладной бородой), избранной библиографией произведений Траута и его биографическим очерком. Все это со скрытой иронией или типа того. Произведенный книгой фурор порадовал меня и изрядно позабавил. У «*New York Times*» даже возникли вопросы по поводу истинной личности Траута. Статья в «*National Enquirer*» «доказала», что «Венеру» написал Воннегут, приводя в качестве аргумента якобы типичные для него сюжеты, персонажей, философию и стиль.

В отличие от меня, мистера Воннегута это не обрадовало и не позабавило. Как я понимаю, его забросали письмами, спрашивая, не он ли написал «Венеру»? Авторы некоторых писем заявляли, что это худшая книжка из всех им написанных. Авторы других – что самая лучшая. Главная же причина недовольства Воннегута заключалась в том, что он неправильно истолковал слова Лесли Фидлера, выдающегося автора и литературного критика, гостя телепередачи Уильяма Ф. Бакли «Линия огня». Темой обсуждения была научная фантастика, и в ходе передачи прозвучало имя Воннегута. Доктор Фидлер, хорошо зная, что «Венеру» написал я, не стал раскрывать ее авторства, а лишь сказал, что я де заявлял о своем намерении написать «Венеру», невзирая на любые препятствия, в том числе, и в лице Воннегута. Сейчас я не помню дословно, что именно он сказал. Однако Воннегут, по-видимому, решил, что Фидлер имел в виду, что я де намеревался написать «Венеру» без его, Воннегута, разрешения. Что-то в этом роде.

Что бы там ни было сказано, но мистер Воннегут рассердился. И, как следствие, не позволил мне написать еще один роман Траута, который я планировал, «Сын Джимми Валентина». Это был бы мой последний роман от имени Траута, но, увы, моим планам было не суждено воплотиться в жизнь. Разумеется, Воннегут имел право не давать мне разрешения на написание этой книги.

Юридически я имел полное право продать «Венеру» киношникам. И когда продюсер обратился с предложением сделать анимационный фильм с участием музыкантов группы «The Grateful Dead», я был в восторге от такой перспективы. Но мистер Воннегут позвонил мне и заявил, что если фильм будет снят, его адвокат, к сожалению, подаст на продюсера в суд. Воннегут добавил, что ему неприятно говорить мне об этом, но поскольку я автор плодовитый, то те деньги, которые могла бы мне принести эта сделка, я заработаю книгами. Опять же, у него было моральное право блокировать это предложение. Тем более что я сильно сомневаюсь, что из этой затеи что-нибудь вышло бы. Я получил от Голливуда более сорока заявок на экранизацию моих произведений, но ни одна из них так и не воплотилась в жизнь.

Веселье, однако, продолжалось. Мои агент и издатель переслали мне не один десяток писем, адресованных Трауту. Одно такое письмо было якобы от другого персонажа Воннегута, Харрисона Бержерона. Траута приглашали в качестве почетного гостя на Двухсотлетний Литературный Взрыв во Франкфорте, штат Кентукки. Редактор альманаха «Современные авторы» прислала письмо, в котором спрашивала, можно ли включить Траута в сборник 1976 года. Она пожаловалась, что хотя перу Траута якобы принадлежат 117 романов, она смогла найти лишь ссылку на «Венеру на половинке раковины». «Такое впечатление, – писала она, – что Килгор Траут – это псевдоним. Не раскроет ли Ваш агент настоящее имя автора?».

От имени Траута я заполнил присланные ею анкеты и через моего агента отправил их ей. Я объяснил, что все мои романы изначально были опубликованы бесчестными и безответственными издателями, которые ни только не выплатили мне ни цента гонораров, но даже не

внесли плату за регистрацию моих книг в Библиотеке Конгресса США. Я не проверял бюллетень 1976 года, но сильно сомневаюсь, что редактор включил туда имя «Траут».

Однако со временем меня обеспокоило недовольство Воннегута по поводу того, что люди могут подумать, будто автором «Венеры» был он. В то же время, я не мог уразуметь, с какой стати ему быть недовольным тем, что люди могут подумать, будто «Венеру» написал он, потому что люди знали, что его перу принадлежат такие вещи как «Завтрак для чемпионов», «Балаган», «Тюремная пташка» и «Малый Не Промах».

Чтобы распушить слух о том, что автор «Венеры» – это я, а не Воннегут, я при первой же возможности раскрывал правду и, выступая на семинарах и конференциях, из кожи вон лез, чтобы поднять эту тему. Я делал то же самое, когда у меня брали интервью на радио и телевидении. Насколько эффективно сработала машина слухов, я не знаю. Теперь это, сдаётся мне, уже не имеет никакого значения. Время давно устранило проблему. В последние несколько лет, выступая в университетах и колледжах, я обнаружил, что только четверо или пятеро в аудитории из 500–800 человек знают имена Траута или Воннегута. А один мой поклонник рассказал мне, что когда он после встречи с читателями спросил Воннегута о «Венере», Воннегут ничего о ней не помнил, включая и мое имя. Поэтому, как бы критически он ни был настроен в свое время в отношении «Венеры», время это окончательно ушло.

Я хочу поблагодарить мистера Воннегута за его щедрость, проявившуюся в том, что он разрешил мне опубликовать «Венеру» под именем Килгора Траута. Мне жаль, если это причинило ему какие-то неудобства. Но еще больше мне жаль, что он так и не понял, что «Венера» была моей данью уважения ему и знаком признательности за тот восторг, который подарили мне его книги, вышедшие до 1975 года.

В течение нескольких лет я пытался издать «Венеру» под моим именем. Наконец, это произошло. И, пусть недолго, но, к моему великому удовольствию, я был Килгором Траутом.

Филип Хосе Фармер, 1988 год

«Неприметная жизнь и тяжелые времена Килгора Траута». Спорные моменты биографии. Филип Хосе Фармер

Это очередной образчик «биографии». Первоначально он появился в фэнзине «Лента Мёбиуса», в декабре 1971 года, под редакцией Эда Коннора из Пеории, штат Иллинойс. Позже я предложил опубликовать это «жизнеописание» редактору «Эсквайра», если у него, конечно, возникнет такое желание. К сожалению, он отверг эту идею. В его глазах, Килгор Траут был менее известен, чем Тарзан. Это правда, но большинство читателей «Эсквайра», вероятно, читают произведения Курта Воннегута и знакомы с Траутом.

Такие дела.

Лично для меня Траут – мое второе я.

Редактор и читатели «Ленты Мёбиуса» решили, что письмо от Траута и письмо, в котором описывается интервью Траута в газете «Пеория Джорнэл Стар» – моя выдумка. Ничего подобного. Эти письма действительно появились в разделе писем редакционной страницы единственной местной газеты Пеории, и я могу это доказать.

После того, как я написал это, мне посчастливилось прочесть гранки романа Воннегута «Завтрак для чемпионов». Там содержится много новых фактов, которые позволили мне в чем-то усилить и исправить оригинальную статью. Тем не менее, некоторые вещи все еще вызывают сомнение из-за противоречий в трех книгах, в которых фигурирует Траут. Мистер Воннегут, очевидно, считает последовательность пугалом малоизвестных писателей.

В романе «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер», первой книге, в которой упоминался Траут, содержатся намеки на то, что Траут родился в 1890 или 1898 году. Вторая книга, «Бойня № 5», намекает, что он появился на свет в 1902 году. Но «Завтрак для чемпионов» дает понять, что он родился в 1907 году.

Есть и другие расхождения. В романе «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер» говорится, что Траут ни разу не издал двух книг у одного и того же издателя. В «Завтраке для чемпионов» издательство «Мировые классики» выпустило немало его книг.

В «Розуотере» утверждается, что произведения Траута продаются лишь в сомнительных книжных лавчонках, торгующих низкопробными порнографическими книжонками. Однако в той же книге Элиот Розуотер снимает роман Траута с книжной полки магазинчика в аэропорту.

Считается, что романы Траута чрезвычайно трудно найти. Розуотер – заядлый коллекционер опусов Траута (на самом деле, единственный), и у него есть только сорок один роман и шестьдесят три рассказа. И все же адвокат-крюкотвор Мушари встречается с книготорговцем из Вашингтона, округ Колумбия, и находит все семьдесят семь романов Траута.

В «Завтраке для чемпионов» утверждается, что пока Траут в 1972 году не встретил водителя грузовика, он ни разу не разговаривал ни с кем, кто прочел бы хотя бы один его рассказ. Но Элиот Розуотер и Билли Пилигрим читали его рассказы и встречались с ним несколько лет назад.

Согласно тексту «Завтрака для чемпионов», единственное письмо от поклонника его творчества (Розуотера) пришло к нему в Когоуз, штат Нью-Йорк. Но Розуотер говорит, что когда он получил от него письмо, Траут жил в Хайаннисе, штат Массачусетс. Описание инопланетян-тральфаматорцев в «Сиренах Титана» значительно отличается от описания в романе «Бойня № 5».

Такие дела.

* * *

Кто величайший из нынешних писателей-фантастов?

Кто-то считает, что это Айзек Азимов. Другие клянутся, что Роберт Э. Хайнлайн. Третьи выдвигают на это место Артура Кларка, Теодора Старджона, Харлана Эллисона, Брайана Олдисса или Курта Воннегута. Франц Роттенштайнер, австрийский критик и редактор, провозглашает величайшим фантастом поляка Станислава Лема. Однако мистер Роттенштайнер вполне может быть предвзятым, ибо он также является и литературным агентом Лема.

Ни одно из вышеперечисленных имен не может сравниться с Килгором Траутом – если верить Элиоту Розуотеру, мультимиллионеру из Индианы, герою войны, филантропу, экстраординарному пожарному и знатоку научной фантастики. По словам Розуотера, Траут – не только величайший писатель-фантаст, он самый великий писатель во всем мире. Он ставит Траута выше Достоевского, Толстого, Бальзака, Филдинга и Мелвилла. Розуотер считает, что Траут должен быть президентом Земного шара. Ведь только ему одному хватило бы воображения, изобретательности и понимания, необходимых для решения проблем нашей планеты.

Будучи, как всегда, под хмельком, Розуотер однажды прорвался на писательскую конференцию в Милфорде, штат Пенсильвания. Придя на встречу со своим кумиром, он, к своему великому разочарованию и изумлению, обнаружил, что Траута там нет. Менее известные личности нашли средства приехать на этот конвент, но Траут, увы, был слишком беден, чтобы покинуть Хайаннис, штат Массачусетс, где он работал клерком в пункте по отовариванию купонов.

Кто же такой Килгор Траут – этот нищий и преданный забвению гений?

Начнем с того, что Килгор Траут – это отнюдь не литературный псевдоним Теодора Старджона. Давайте сразу отметем этот мерзкий слух. Единственное совпадение состоит в том, что имена обоих авторов заканчиваются слогом «ор», а их фамилии – это названия рыб. Автор классических, прекрасно написанных произведений «Больше, чем люди» и «Летающее блюдце одиночества», не мог быть тем, кто, по признанию его самого страстного поклонника, совсем не умел писать.

Траут родился в 1907 году, но точный день его рождения неизвестен. Пока никакой авторитетный источник не привел точной даты, я назову полночь 19 февраля 1907 года, как день, когда на свет появился «величайший пророк» человеческого сообщества. Характер Траута указывает, что по знаку зодиака он Водолей и поэтому родился в промежутке между 20 января и 19 февраля. Однако в нем очень много и от Рыб, и он, по всей видимости, родился на стыке Водолея и Рыб, то есть около полуночи 19 февраля.

Траут впервые увидел свет на британском острове Бермуда. Его родители были гражданами Соединенных Штатов Америки. (Траут изобразил их в своем романе «Теперь это можно сказать».) Его отец, Лео Траут, служил на Бермудах смотрителем Британского королевского орнитологического общества. В его обязанности входило охранять гнездовья редкого вида птиц – бермудских орланов-белохвостов. Несмотря на все его старания, орланы вымерли, и Лео перевез свою семью обратно в Штаты. Килгор посещал Бермудскую грамматическую школу, а затем продолжил обучение в средней школе имени Томаса Джефферсона в Дейтоне, штат Огайо, которую окончил в 1924 году.

Хотя Траут родился на Бермудских островах, зачат он был, скорее всего, на земле Индианы. Его характер изрядно пахнет некоторыми чертами типичного «Хужера» (Верзила), как обычно называют уроженцев штата Индиана, и именно в Индианаполисе, штат Индиана, мы впервые встречаемся с ним. В этом штате появилось на свет немало писателей: Эдвард Эгглстон («Учитель-Верзила»), Джордж Эйд («Басни на сленге»), Теодор Драйзер («Сестра Кэрри», «Американская трагедия», «Гений»), Джордж Барр Маккатчен («Граустарк», «Мил-

лионы Брюстера»), Джин Стреттон Портер («Девушка из рода Лимберлостов»), Уильям Вон Муди («Великий перевал»), Бут Таркингтон («Пенрод», «Великолепные Амберсоны»), Лью Уоллес («Бен Гур»), Джеймс Уитком Райли («Старая лужа», «Как мороз на тыкву ляжет»), Росс Локридж («Округ Рейнтри»), Лео Квикег Тинкраудер («Осирис на костылях», «Вакцинаторы с Веги»), Рекс Стаут (автор детективов с участием Ниро Вулфа) и, наконец, последний по порядку, но не по значимости, Курт Воннегут («Механическое пианино», «Колыбель для кошки», «Сирены Титана», «Добро пожаловать в обезьянник», «Мать Тьма», «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер», «Бойня № 5» и «Завтрак для чемпионов»).

Основным источником нашей информации о Килгоре Трауте является мистер Воннегут. Мы все должны быть благодарны ему за то, что он предложил нашему вниманию факты из жизни Траута и названия его романов.

К сожалению, Воннегут упоминает его только в последних трех книгах, которые считаются художественными произведениями. В известной степени так оно и есть, но Килгор Траут – реальный человек, и любой, кто сомневается в этом, может поискать запись о его рождении на Бермудах.

Воннегут вытащил Траута из неизвестности и познакомил нас со значительной частью его последующей жизни. Однако он ничего не сообщил нам о родителях Траута, отчего я был вынужден провести собственное расследование родословной Траута. Полное имя отца Килгора было Лео Кейбелл Траут. Он родился предположительно в 1881 году в Роаноке, штат Виргиния. Многие поколения Траутов жили в этом городе и в соседнем Салеме. Мать Лео, урожденная Кейбелл, была связана узами родства с семьей, которая дала нам такого знаменитого писателя как Джеймс Брэнч Кейбелл («Цифры Земли», «Серебряный жеребец», «Юрген») и известную романистку XIX века княгиню Амелию Трубецкую. Княгиня была внучкой Уильяма Кейбелла Райвса, сенатора США и посланника во Франции. Ее первый роман «Живой или мертвый» стал сенсацией 1888 года.

Траут унаследовал писательский талант и по линии матери. Ее имя было Ева Алиса Шонесси (1880–1926), она – автор серии «Маленькая Ева», чрезвычайно популярной на рубеже веков серии детских книг. Она писала их под псевдонимом Ева Вествард и получала в виде гонорара лишь мизерную часть тех денег, которые приносили эти книги. Ее издатель вынудил ее вложить деньги в безнадежное дело, купив акции фирмы, после чего сам сбежал с прибылью фирмы в Бразилию. Написанная ею, но не опубликованная биография ее отца стала основным источником информации для Росса Локриджа, когда тот работал над книгой «Округ Рейнтри».

Ее отцом был Джон Уиклифф Шонесси (1839–1941), ветеран Гражданской войны, школьный учитель и неудачливый драматург и поэт. Большую часть своей жизни Джонни искал легендарное Золотое дерево Рейнтри, этакий древесный аналог святого Грааля, затерявшийся где-то в Большом болоте округа Рейнтри. Джонни так и не закончил свою эпическую поэму «Отдыхающий сфинкс». Труды прадеда завершил его правнук, создав научно-фантастический роман. Лео Квикег Тинкраудер (родился в 1918 году) был сыном Аллегры Шонесси (родилась в 1898 году), дочери Уэсли Шонесси (1879–1939), старшего сына Джона Уиклифа Шонесси. Двоюродный брат Килгора, Лео, главным образом оставивший о себе память, как художник, написал несколько научно-фантастических рассказов, которые оценивались более благосклонно, нежели творения Килгора.

Отцом Джонни был Томас Дафф Шонесси (умер в 1879 году), фермер, проповедник без духовного сана, травник и автор известных в округе, но крайне слабых виршей. Родился он в Шотландии, в деревне Экклфехан, что в графстве Дамфрис, и был незаконным сыном Элизы Шонесси, дочери фермера. Томас Дафф признался своему сыну Джонни, что его отцом был великий шотландский эссеист и историк Томас Карлайл (1795–1881). Элиза (1774–1830) привезла Томаса Даффа, тогда еще маленького мальчика, в штат Делавэр. После смерти матери

Томас Дафф Шонесси и его девятнадцатилетняя жена Эллен поселились на земле основанного незадолго до этого штата Индиана.

Томас Дафф полагал, что гений его отца может вновь пробудиться у его внука, Джонни. Безусловно, гены, ответственные за такие великие книги, как «Sartor Resartus, Жизнь и мысли герра Тейфельсдрека», «Французская революция», «Герои и героическое в истории», не должны погибнуть.

Однако есть серьезные сомнения в том, что отцом Т. Д. Шонесси действительно был Томас Карлайл. В год, когда родился Карлайл, то есть, в 1795-м, Элизе Шонесси был бы двадцать один год. Даже соблазни она Карлайла, когда тому было всего двенадцать, Томас Дафф появился бы на свет в 1807 году. В таком случае, когда он женился на девятнадцатилетней Эллен, ему было бы тринадцать лет. Такое возможно, но крайне маловероятно.

Похоже, Элиза Шонесси солгала своему сыну. Ей хотелось, чтобы он думал, что, хотя он был незаконнорожденным ребенком, его отцом был великий человек. Вероятно, отцом Томаса Даффа на самом деле был Джеймс Карлайл, каменщик, фермер, фанатичный кальвинист и отец Томаса Карлайла. Правда, скорее, состоит в том, что Томас Дафф Шонесси был его сводным братом. Томасу Даффу следовало это понять, но он так и не удосужился уточнить дату рождения своего предполагаемого отца.

Мать Джонни, Эллен, была двоюродной сестрой Эндрю Джонсона (1808–1875), семнадцатого президента Соединенных Штатов. Вторая жена Джонни, Эстер Роу (родилась в 1852 году), была британского происхождения с каплей индейской крови (вероятно, индейцев племени майами).

С таким количеством писателей в родословной, Килгору Трауту, похоже, самой судьбой было предназначено стать известным автором. Однако его таланты были испорчены его характером, на который наложило свой тягостный отпечаток детство Килгора. Его отец был неудачником, а мать – озлоблена пьянством и неверностью своего недотепы-муженька и кражей ее литературных гонораров. Затяжные и дорогостоящие болезни обоих родителей, которые спустя несколько лет после того, как Килгор окончил среднюю школу, свели их в могилу, помешали Трауту поступить в колледж.

У Траута было три великих страха, преследовавшие его всю жизнь: страх заболеть раком, страх крыс и доberman-пинчеров. Первый проистекал из лицемерия страданий его родителей в последние годы их жизни. Второй был обязан своим возникновением проживанию в многочисленных подвалах и дешевых многоквартирных домах. Третий был результатом нескольких нападений со стороны доberman-пинчеров в годы его бродячей жизни. Однажды, оставшись без работы и страдая от голода, он попытался украсть курицу из курятника фермера, но был пойман сторожевым псом. В другой раз доberman укусил его при доставке рекламных проспектов.

Пессимизм и недоверие Траута к людям в будущем привели к тому, что он так и не обзавелся друзьями, а три его жены развелись с ним. Это вынудило его единственного ребенка, Лео, убежать из дома в возрасте четырнадцати лет. Лео завысил свой настоящий возраст и стал морским пехотинцем США. Находясь в учебном лагере новобранцев, он написал отцу письмо, в котором отрекся от него. После этого о Лео ничего не было слышно до тех пор, пока Килгору не нанесли визит два агента ФБР. Его сын, сообщили они ему, дезертировал и присоединился к отрядам Вьетконга.

Траут бродяжничал, переезжая из одного штата в другой, устраиваясь на низкооплачиваемую и неквалифицированную работу, а в свободное время сочинял научно-фантастические рассказы. После развода с последней женой его единственным спутником жизни был попугай по имени Билл. Килгор много разговаривал с Биллом и в течение сорока лет возил его с собой в старом паровом кофре. В оном кофре было много любопытных предметов, в том числе

детские игрушки, кости бермудского орлана и заплесневелый смокинг, который он надевал на школьный бал по случаю окончания средней школы.

В какой-то момент во время своих одиноких одиссей он начал называть зеркала «утечками». Зеркала были слабыми точками, сквозь которые просачивались образы параллельных вселенных. Через эти четырехмерные окна он мог видеть космос, занимающий то же пространство, что и наш. Это заблуждение, если оно было заблуждением, очевидно, проистекало из его отказа от нашей вселенной. Для него это был самый худший из всех возможных миров.

Наша планета была этакой бетономешалкой, в которой Траута крутило, швыряло, колошматило, дробило и перетирало в пыль. К середине 1960 годов его лицо и тело несли на себе все мыслимые шрамы и травмы его нескончаемой битвы против унижайшей нищеты, непрестанного корпения над многочисленными опусами, пренебрежения со стороны литературного мира и, что еще хуже, пренебрежения со стороны читателей жанра, в котором он специализировался, – научной фантастики, – а также вечного жульничества бесчестных издателей.

В романе «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер», Фред Розуотер берет в руки книгу Траута. Это «Венера на половинке раковины», а на ее мягкой обложке – фотография Траута.

Перед нами старик с густой черной бородой, его лицо – это лицо покрытого шрамами Иисуса, которого избавили от распятия на кресте, но которому пришлось провести остаток жизни в тюрьме.

Элиот Розуотер, выйдя из тумана безумия в клинике для душевнобольных, впервые видит Траута. Тот похож на добродушного кладбищенского смотрителя из сельской глубинки. У Траута больше нет бороды; он сбрил ее, чтобы устроиться на работу.

Билли Пилигрима из «Бойни № 5» с произведениями Траута познакомил Элиот Розуотер, лежавший с ним в одной палате госпиталя для ветеранов в Лейк-Плэсид, штат Нью-Йорк. Было это весной 1948 года. Примерно в 1964 году Билли Пилигрим случайно знакомится с Килгором Траутом в Илиуме, штат Нью-Йорк. У Траута лицо параноика, выжившего из ума Мессии. Он похож на военнопленного, но есть и положительная черта – его глубокий бархатистый голос. Он, как обычно, живет в полуподвале – не имея друзей и презираемый всеми. Он едва сводит концы с концами, работая менеджером по распространению «Илиум Газетт». Трусливый и склонный к мелочному подличанию, он преуспевает в своей должности лишь путем запугивания и обмана мальчишек-доставщиков газеты. Он удивлен и даже рад, что кто-то знает о нем. Он отправляется на помолвку Пилигрима, где впервые в жизни его персона удостоивается внимания.

Согласно «Завтраку для чемпионов», в 1972 году у Траута кривые, гнилые зубы и длинные, спутанные, седые космы. Он в течение многих лет не пользовался зубной щеткой. Его ноги бледные, тощие, безволосые, с варикозными венами. У него болезненные ступни, голубоватые от плохого кровообращения. Он редко моется. Воннегут сообщает ряд физических характеристик Траута, в том числе и тот факт, что его пенис в стоячем состоянии, имеет длину семь дюймов, но лишь один дюйм с четвертью в диаметре. Как он это узнал, Воннегут умалчивает.

В романе «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер», Мушари, зловещий адвокат (или прилагательное здесь избыточно?) расследует жизнь Траута. Тот не интересует его в качестве литературного феномена. Траут – любимый автор Розуотера, и Мушари изучает произведения Траута для досье на Розуотера. Он надеется доказать, что Розуотер психически несостоятелен и не способен управлять миллионами Фонда Розуотера. Ни один уважающей себя книготорговец слыхом не слыхивал о Трауте. Однако Мушари сумел найти все восемьдесят семь романов Траута, правда, в жутко потрепанном виде, в убогой лавчонке, торгующей самой что ни на есть ядреной порнографией. Роман Траута «2BR02B» – по мнению Элиота, величайшее его творение – поступил в продажу ценой двадцать пять центов за экземпляр. Теперь за него просят пять долларов.

«2BR02B» стал раритетом, коллекционной вещью отнюдь не в силу своих литературных достоинств, а из-за эротических иллюстраций. Такова судьба многих книг Траута. В «Завтраке для чемпионов» мы читаем, что самая продаваемая его книга, «Чума на колесах», приносит издателю двенадцать долларов с каждого экземпляра благодаря обложке, на которой изображен акт фелляции.

Ирония судьбы заключается в том, что лишь немногие книги Траута имеют эротическое содержание. Только в одной из них присутствует более-менее значимый женский образ, да и тот – крольчиха (Умная Крольчиха).

За свою жизнь Траут написал только одну намеренно «грязную» книгу, «Сын Джимми Валентина», и сделал это лишь потому, что его вторая жена Дарлин заявила, что для него это единственный способ заработать деньги.

Эта книга действительно принесла деньги, но не Трауту. Его лос-анджелесский издатель – «Библиотека мировой классики», выпускавшая порнолитературу, – не отправила Трауту ни цента гонорара. «Библиотека мировой классики» издавала многие книги Траута не потому, что читателям были интересны его тексты, а потому, что издательству требовались книги для заполнения квоты. Они иллюстрировали их рисунками, не имевшими ничего общего с сюжетом, и частенько заменяли названия произведений Траута на более хлесткие и привлекательные для своего специфического читателя. Так, например, «Хозяин галактики» был опубликован под названием «Губительные губы».

Воннегут говорит, что издатели облапошивали Траута, но судя по «Завтраку для чемпионов», вина за бедность и безвестность Траута в основном лежит на нем самом. Он отправлял свои рукописи издателям, чьи адреса находил в журналах, основным рынком которых были будущие писатели. Он никогда не интересовался ни их репутацией, ни жанрами, с которыми они имели дело. Более того, Траут часто отправлял свои рассказы без конверта с обратным адресом и наклеенной маркой и даже не писал собственный адрес на простых конвертах. Часто переезжая с места на место, он никогда не оставлял на почте адрес для переадресовки корреспонденции. Даже пожелай издатели честно расплатиться с ним, они бы не знали, где его найти.

На самом деле Траут представлял собой классический образец крайне невротичного писателя, чье творчество носило маниакальный характер, и который меньше всего на свете заботился о судьбе своих творений, как только те были перенесены на бумагу. У него даже не оставалось экземпляра любых его произведений.

Воннегут называет Траута писателем-фантастом, но тот был им в некоем специфическом смысле. Он мало что знал о науке и был безразличен к техническим деталям своих опусов. Воннегут утверждает, что большинству авторов научной фантастики не хватает научных знаний. Возможно, это так, но Воннегут, который сам обладает научными знаниями, не использует их в своих книгах. Как и Траут, он пишет о разрывах и искривлении времени, экстрасенсорном восприятии, космических полетах, роботах и инопланетянах. Истина же состоит в том, что Траут, как Воннегут, Рэй Бредбери и многие другие, пишет притчи. Они облачены в форму, которая по какой-то причине удостоилась ярлыка научной фантастики. Лучшим термином был бы «сказка о будущем». Но даже с этим можно поспорить, ибо действие многих научно-фантастических рассказов разворачивается в настоящем или прошлом как далеко, так и близко. Во всяком случае, лучшие авторы проводят большую часть своего времени, пытаясь избежать каких-либо ярлыков.

На самом деле в писателях, сочиняющих научную фантастику, есть немало от Килгора Траута, в том числе, и в Воннегута. Не зная я, что Траут – живой человек, я бы подумал, что он – архетип, вырванный Воннегутом из его собственного бессознательного или коллективного бессознательного писателей-фантастов. Он жалок, он берется за концепции и темы, которые по плечу лишь гениям (да и то не всем). Он чувствует, что его избегают и презирают. Он знает, что общество, в котором ему приходится жить, могло быть гораздо лучше, и, сколь бы

общительным существом он ни казался, по натуре он одиночка, то, что философы называют монадой. Он может быть богат и знаменит (а некоторые авторы научной фантастики именно таковы), но по существу он персонаж, детально описанный в предыдущем предложении. Миллионы людей могут восхищаться им, но он знает: Вселенная даже не догадывается о его существовании; он искра, бесследно исчезающая в темноте вечности и бесконечности. Зато у него богатое воображение, и пока его искра все еще не погасла, он может победить пространство и время. Его рассказы – это его оружие, и, как ни крути, они лучше, чем ничего. Как выразился Элиот Розуотер, большинство писателей, пишущих об обыденной жизни, – это просто «воробыиные пуки».

Но писатель-фантаст – это бог. По крайней мере, в это он тайно верит.

Любимая формула Траута – описать ужасное общество, похожее на наше, а затем в конце книги показать пути его улучшения. В своем романе «2BR02B» он показывает Америку, которая настолько кибернетизирована, что только кандидаты с тремя или более учеными степенями могут получить работу. В нем также есть Салоны Этичного Самоубийства, где бесполезные люди добровольно соглашаются на эвтаназию. «2BR02B» похож на смесь романа Воннегута «Механическое пианино» и его же рассказа «Добро пожаловать в обезьянник». Я не обвиняю Воннегута в плагиате, но Воннегут действительно высоко ценит сюжеты Траута и иногда заимствует их. Роман Траута «Большая доска» повествует о мужчине и женщине, похищенных инопланетянами и выставленных напоказ в зоопарке планеты Циркон-212. В Воннегутовской «Бойне № 5» рассказывается, как тральфамадорцы похитили Билли Пилигрима и кинозвезду Монтану Уайлдбек и поместили их в роскошную клетку.

Возможно, Траут разрешил Воннегуту адаптировать часть его сюжетов. Какое-то время Траут жил в Хайаннисе, штат Массачусетс, что недалеко от Уэст-Барнстебла, где жил Воннегут.

Воннегут восхищается идеями Траута, хотя и критикует его прозу. Мол, она ужасна, и непопулярность Траута вполне заслуженна. (Кстати, я бы охарактеризовал собственную прозу Воннегута и его философию, как пародию на Стерна и Смоллетта.) Образец прозы Траута, взятый наугад из «Венеры на половинке раковины», звучит как отрывок вышедшей из-под пера халтурщика полупорнографии. По мнению Элиота Розуотера, у большинства писателей-фантастов стиль не лучше, чем у Траута. Но это не имеет значения. Авторы научной фантастики – поэты, обладающие своего рода радаром, который улавливает в этом мире только самое значимое. Они не пишут о тривиальных вещах. Их проблемы имеют вселенские масштабы: галактики, вечность и судьбы всех нас. Траут же ищет ответ на вопрос, который не дает покоя Элиоту Розуотеру (и многим из нас). То есть, зачем любить людей, от которых нет пользы? Как можно любить тех, кто не вызывает у нас любви?

Воннегут перечисляет известные места проживания Траута, такие как Бермудские острова, Дейтон, Огайо, Хайаннис, штат Массачусетс, и Илиум и Когоуз, штат Нью-Йорк. К этому списку я могу добавить Пеорию, штат Иллинойс. В 1971 году в разделе «глас народа» на редакционной странице газеты «Пеория Джорнэл Стар» было напечатано письмо Килгора Траута, в котором он осудил Пеорию, как абсолютно непристойное место. Он предложил местным жителям перестать возмущаться по поводу «грязных» фильмов и книг, а лучше заглянуть в собственные сердца, полные настоящей грязи: ненависти, предубеждений и алчности. Траут указал свой адрес как Уэст-Мейн-стрит. К сожалению, у меня больше нет ни самого письма, ни адреса, так как я вырезал письмо и отправил его Теодору Старджону, который живет в окрестностях Лос-Анджелеса. Однако перед этим я убедился, что адрес был подлинным, хотя Траут там больше не жил. Как обычно, он забыл указать новый адрес для переадресации корреспонденции.

У меня сохранилось письмо, которое вышло в редакционной колонке номера «Пеория Джорнэл Стар» от 14 августа 1971 года. Это дает нам некоторые сведения о деятельности Траута, когда тот жил в Пеории. Письмо было подписано Д. Раабе, с которым я познакомился

вскоре после того, как прочел лекцию в Университете Брэдли. Далее следуют выдержки из письма.

«...Выдающийся скатолог, доктор К. Траут, АИС, в интервью, данном возле общественного туалета в Глен-Оук-парке, изложил свои взгляды по поводу русско-индийского пакта... Что касается кишечных расстройств, доктор Траут отметил, что если в Россию придет увлечение индийской кухней, то русские могут “слегка расслабиться”, хотя в некоторых областях они могут стать чуть более раздражительными».

По всей видимости, в это время Траут трудился в Департаменте общественных работ Пеории, хотя и утверждал, что якобы имеет степень доктора философии. Я не знаю, что означают инициалы, если только это не Ассистент Инженера Сортиров, но что-то подсказывает мне, что он отправил в некую сомнительного свойства организацию пятьдесят долларов и получил диплом по почте. Несмотря на «ученую» степень, он по-прежнему выполнял грязную и мало-приятную работу. Этого и следовало ожидать. Тот, с кем мир обращается дерьмовым образом, невольно станет экспертом по дерьму. Он знает, где его искать, и работает там, где его много.

Последней работой Траута, о которой нам доподлинно известно, была установка алюминиевых оконных рам со ставнями в Когоузе, штат Нью-Йорк. В это время (конец 1972 года) Траут жил в полуподвале. Из-за его угрюмого характера и отсутствия подхода к людям, работодатель отказался использовать его в качестве продавца. Его коллеги совершенно не общались с ним и даже не знали, что он пишет научную фантастику. Но однажды Траут получил письмо. Оно стало предвестником новой жизни, прелюдией к запоздалому признанию его как писателя.

Траут получил приглашение в качестве почетного гостя на фестиваль искусств, посвященный открытию Центра искусств имени Милдред Бэрри в Мидуэй, штат Индиана. К приглашению прилагался чек на тысячу долларов. И любезное приглашение, и чек были получены благодаря Элиоту Розуотеру. Он согласился выставить в Центре искусств принадлежавшую ему картину Эль Греко, при том условии, что на открытие будет приглашен Килгор Траут, возможно, величайший из всех современных писателей.

Обрадованный, хотя и мучимый подозрениями, Траут отправился в Нью-Йорк купить несколько экземпляров своих книг, чтобы на фестивале прочитать отрывки из них. Увы, здесь он стал жертвой грабежа, однако был задержан полицией – по подозрению в грабеже! День Ветеранов он провел в тюрьме. Когда его выпустили, он автостопом продолжил путешествие. Водитель грузовика подвез его до Центра. К сожалению, какой-то псих откусил ему сустав правого указательного пальца, и фестиваль пришлось отменить. Трауту оставалось лишь надеяться, что ему больше никогда не придется прикасаться к кому бы то ни было, и никто больше не прикоснется к нему самому.

По словам Воннегута, «Завтрак для чемпионов» – это последнее слово о Трауте, которое мы услышим от него. Мне прискорбно это слышать, однако я искренне благодарен мистеру Воннегуту за то, что он впервые привлек к Трауту внимание публики, причем публики, не читающей порнографические книжки. Мне также жаль, что в последней четверти книги мистер Воннегут идет на поводу у чистой фантазии. Первые три части основаны на фактах, но читая последнюю часть книги, кто-то вполне может поверить в то, что Килгор Траут – персонаж вымышленный. Серьезный же читатель и исследователь творчества Траута проигнорирует заключительную четверть «Завтрака для чемпионов», отсеяв правду от вымысла.

Хотя фестиваль в Центре искусств потерпел неудачу, Килгор Траут тем не менее находится на пути к славе. Я только что получил сообщение о том, что мистер Дэвид Харрис, редактор «*Dell Publishing Company*», ведет переговоры о переиздании «Венеры на половинке раковины». Если стороны сумеют договориться об условиях, у широкой публики впервые появится возможность прочитать роман Килгора Траута.

Ниже приведен список самых известных из ста семнадцати романов и двух тысяч рассказов, написанных Траутом. Это трагически короткий список, и он может быть расширен, только если траутофилы основательно прошерстят букинистические магазины и порно-лавчонки на предмет отсутствующих опусов Траута.

РОМАНЫ:

- «Робкое чудо» (1932)
- «2BR02B»
- «Венера на половинке раковины»
- «О, скажи, ты чуешь?»
- «Первый окружной судья Сэнкью»
- «Трехдневный пангалактический переход»
- «Маньяки в четвертом измерении» (1948)
- «Космическое Евангелие»
- «Большая доска»
- «Хозяин галактики» («Губительные губы»)
- «Чума на колесах»
- «Теперь об этом можно сказать»
- «Джимми Валентин»
- «Как делишки?»
- «Хитроумный зайчишка»
- «Галактический банк памяти»

РАССКАЗЫ:

- «Плясун-дуралей» (апрельский номер журнала «Черная подвязка» за 1962 год, выпускался издательством «Современные классики»)
- «Это про тебя, Гилгонго!»
- «Салют вождю»
- «Стоп-Крутила из Баньяльто, или Шедевр этого года»

(Примечание автора: с тех пор, как это было написано, вышел в свет роман мистера Воннегута «Тюремная птичка». В нем мистер Воннегут утверждает, что произведения, которые до этого приписывались Трауту, написал не Траут, а другой человек. Никто этому опровержению не поверил, хотя причины этого опровержения стали предметом различных спекуляций.

Кое-кто задавался вопросом, почему первая буква фамилии человека, о котором мистер Воннегут утверждает, что он де настоящий Траут, совпадает с моей. Неужели мистер Воннегут косвенно указывает пальцем на меня?

Этого я, честное слово, не знаю. В некотором смысле, или, возможно, в двух или трех, я – Килгор Траут. Но то же самое можно сказать и о по меньшей мере пятидесяти писателях-фантастах.)

1. Легенда о Космическом Страннике

Давай, путешественник! Отправляйся, куда угодно. Вселенная – велика, возможно даже необъятна. Не важно. Где бы ты ни оказался, ты повсюду услышишь о Саймоне Вагстаффе, Космическом Страннике.

Даже на планетах, где он ни разу не появлялся, его воспевают в балладах и рассказывают о нем истории в тавернах космопорта. Легенды и фольклор сделали его популярной фигурой на всех десяти миллиардах обитаемых планет. Он также – согласно последним подсчетам – герой телесериалов по меньшей мере на миллионе планет.

Космический Странник – землянин, который никогда не стареет. Он носит джинсы «левис» и потрепанный серый свитер с коричневыми кожаными заплатками на локтях. На груди у него огромная монограмма: КС. У него черная повязка на левом глазу. Он носит с собой электрическое банджо с атомным зарядником. С ним всегда три постоянных спутника: собака, сова и женщина-робот. Он – общительное, тактичное существо, которое никогда никому не отказывает в автографе. Его единственный недостаток, причем ужасный, состоит в том, что он задает вопросы, на которые никто не может ответить. По крайней мере, он делал это тысячу лет назад, когда исчез.

Это история его странствований, также повествующая о том, почему его больше не видно в известном нам космосе.

Ах да, он также страдает от старой раны в заднице и поэтому не может долго сидеть. Однажды его спросили, каково это, быть вечно молодым.

Он ответил: «Бессмертие – это боль в заднице».

2. На пикниках всегда идет дождь

Заниматься любовью на пикнике – эка невидаль. Как говорится, нашли, чем удивить. Но это был пикник на макушке Большого Сфинкса в Гизе.

Саймон Вагстафф если и наслаждался этим процессом, то не на все сто процентов. Муравьи, присутствующие на любом пикнике в любом месте на открытом воздухе, настойчиво ползли вверх по его ногам и ягодицам. Один даже заполз туда, куда никто, кроме Саймона, не имел права попадать. Должно быть, бедняга подумал, что угодил между поршнем и цилиндром винтажного автомобильного мотора.

Однако Саймон был настойчив. Спустя некоторое время он и его невеста перекатились на спины, и, хватая ртом воздух, посмотрели на египетское небо.

– Это было прекрасно, правда? – спросила Рамона Ухуру.

– Да, такое бывает не каждый день, – согласился Саймон. – Ладно. Нам лучше одеться прежде, чем сюда нагрянут туристы.

Саймон встал и натянул на себя черные «левисы», мешковатую серую толстовку и сандалии из поддельной верблюжьей кожи. Рамона набросила на себя свой ярко-красный кафтан и открыла корзину для пикника. Та была полна вкусных вещей, включая бутылку эфиопского вина «Игривый Лев Иудейский».

Саймон подумал о том, стоит ли рассказать ей про муравья. Но если бы тот все еще бегал, – или брел, прихрамывая, – она первой узнала бы об этом.

Саймон был невысокий, коренастый мужчина лет тридцати. У него были густые выющиеся каштановые волосы, заостренные уши, внушительные каштановые брови, длинный тонкий прямой нос и большие карие глаза, как будто готовые в любой миг пустить слезу. Его тонкие губы и крепкие зубы составляли красивое единое целое, когда он улыбался.

Рамона тоже была невысокой и коренастой. Зато глаза у нее были большие и черные, как у овчарки, а голос – такой же мягкий, как хвост щенка. Как и хвост, он редко переставал вилять. Саймону это ничуть не мешало. Если она и была несносной болтуньей, то восполняла это тем, что не была несносным слушателем. Саймон же был одержим маниакальным желанием задавать вопросы. Однако он не просил у Рамоны ответов, потому что знал, что их у нее нет. Но то была не ее вина. Ответа на них не было ни у кого.

Болтая о всякой чепухе, Рамона разложила одеяло навахо, сделанное в Японии. Сама Рамона была сделана в Мемфисе (в том, что в Египте, а не в штате Теннесси), хотя ее родителями были балиец и кенийка.

Саймон был сделан во время медового месяца родителей на Мадагаскаре. Его отец был наполовину грек, наполовину ирландский еврей, а также музыкальный критик, который печатался под именем К. Кейн. Все думали, и не без оснований, что «К» означает Киллер. Он женился на красивой певице меццо-сопрано, индеанке из племени оджибве, которая выступала под сценическим именем Миннегага Лэнгтри.

В их брачную ночь сломался кондиционер, и они приписывали недостатки Саймона жуткой духоте, в которой тот был зачат. Саймон же объяснял их восемью месяцами жизни в искусственной пластмассовой матке-инкубаторе. Его мать не хотела портить фигуру, и поэтому его до срока вытащили из ее утробы и поместили в цилиндр, подсоединенный к машине. Саймону было понятно, почему его мать поступила так. Но он не мог простить ей того, что спустя какое-то время ее обуял безостановочный жор, и она набрала шестьдесят фунтов лишнего веса. Если она все равно разжирела, то почему не оставила его там, где ему надлежало быть?

Впрочем, в такой день было грешно размышлять о детских обидах. Небо было голубым, как вены младенца, ветерок приятно охлаждал воздух. К северу восстановленные пирамиды Хеопса и Хефрена свидетельствовали о том, что древние египтяне действительно знали толк

в строительстве. На востоке, на другом берегу Нила, белые башни Каира с их телевизионными антеннами показывали небесам средние пальцы. Ничего, когда-нибудь их наглость им аукнется.

Внизу туристы и гости с далеких планет прохаживались среди киосков с хот-догами, пивом и сувенирами. В том числе и гигантские триподы с Арктура, презрительно насмехавшиеся над вещами, которые земляне называли древними. Их старейшим зданиям было по сто тысяч лет, и возведены они были на развалинах сооружений в два раза их старше. Земляне не слишком обижались, потому что арктуриане, усмехаясь, выглядели жутко комично, вертя, словно брелками для ключей, своими длинными гениталиями.

Земляне обижались лишь тогда, когда кто-то из арктуриан что-то хвалил. Обычно арктуриане поднимают одну из трех ног и разбрызгивают похвалин, который смердит, как гнилой лук. Многим землянам приходилось улыбаться и терпеть это, особенно государственным министрам. Но им за это полагался так называемый бонус.

Так что обычно минус уравнивается плюсом.

Или так подумал Саймон Вагстафф в тот прекрасный день.

Он взял путеводитель и, потягивая вино, принялся его читать. В путеводителе говорилось, что сфинкса придумали египтяне. В их представлении это было существо с лицом человека и туловищем льва. С другой стороны, когда о сфинксе узнали греки, они превратили его в существо с головой женщины и туловищем львицы. У нее даже имелись женские груди, прекрасные белые конусы с розовыми наконечниками, которые наверняка отвлекали мужчин, когда им следовало думать об ответе на ее вопрос. Эдип проигнорировал эти препятствия на пути размышлений, что, возможно, говорит не в его пользу. Он был слегка странноват, женился на собственной матери и убил родного отца.

Он правильно ответил на вопрос сфинкса, но позднее это не избавило его от неприятностей.

А как насчет сексуальной жизни леди-сфинкса? Эта особа только и делала, что ошивалась на дороге, ведущей в греческие Фивы, откуда до египетских Фив и до сфинксов-мужчин ой как далеко.

Может, она была похожа на паучиху «черную вдову» и отдавалась мужчинам, прежде чем их сожрать? Нельзя сказать, что Саймон был слишком похотлив, но, как и все, постоянно думал о сексе.

Египетский сфинкс был огромен и стар, как мир. Греческого сфинкса отличал стиль. Египетский же являл собой монументальность и мужественность. Греческий олицетворял красоту и женственность. Только греки способны вылепить из приземленной материальности египтян нечто философское. Греки сделали своего сфинкса женщиной, потому что ей была ведома Тайна.

Но ей попался тот, кто смог ответить на ее вопросы. После чего она убила себя. Саймону не грозила опасность самоубийства.

На его вопросы никто не отвечал.

В его путеводителе говорилось, что лицо сфинкса предположительно являло собой портрет фараона Хефрена. Путеводитель, тот, что был в его заднем кармане, утверждал, что это лик бога Гора. Неважно, который из двух был прав. Восстановленный сфинкс теперь походил на знаменитую кинозвезду.

В путеводителе, который Саймон держал в руках, также говорилось, что сфинкс имел 189 футов в длину и 72 фута в высоту. В другом путеводителе, задне-карманном, было написано, что длина сфинкса – 172 фута, а высота – 66 футов.

Неужели одна из групп измерителей так безобразно отнеслась к своим обязанностям? Или же редактор путеводителя здорово закладывал за воротник? Или у наборщика возникли

финансовые и семейные проблемы? Или кто-то злонамеренно включил в текст ложную информацию, чтобы просто подгадать людям?

– Да ты не слушаешь меня! – рассердилась Рамона.

– Извини, – сказал Саймон. Причем совершенно искренне. Это был один из тех редких моментов, когда до Рамоны внезапно дошло, что она разговаривает сама с собой. Что ее напугало.

Люди, которые говорят сами с собой, либо безумны, либо глубокие мыслители, либо одиноки, либо и то, и другое, и третье. Рамона знала, что она не сумасшедшая и не глубокий мыслитель, так что, скорее всего, она одинока. А одиночества она боялась даже больше, чем возможности утонуть, что было ее излюбленным кошмаром.

Саймон тоже был одинок, но главным образом потому, что считал, что Вселенная несправедлива к нему, не давая ответов на его вопросы. Но сейчас не время думать о себе – ведь Рамона нуждалась в утешении.

– Послушай, Рамона, вот тебе песнь о любви.

Песнь называлась «Анафемическая математика любви». Это было одно из стихотворений «Графа» Ипполита Бруги, он же Джулиус Ганц, экспрессиониста начала XX века. Бен Хект в свое время написал его биографию, но единственный уцелевший ее экземпляр теперь хранился в архивах Ватикана. Хотя критики считали Бругу второстепенным поэтом, Саймон любил его больше всех остальных и положил на музыку многие его стихи.

Но сначала Саймон решил, что должен объяснить ей имена творцов и обрисовать ситуацию в целом, поскольку Рамона не читала ничего кроме «Правдивых признаний» и бестселлеров.

– Роберт Браунинг – великий поэт викторианской эпохи, который женился на второстепенной поэтессе по имени Элизабет Барретт, – сказал он.

– И без тебя знаю, – огрызнулась Рамона. – Я не настолько тупа, как ты думаешь. В прошлом году я смотрела по телевизору «Барреттов с Уимпол-стрит». С Пекком Бертоном и Мэрилин Мамри. Это было так печально; ее отец был сущим ублюдком. Он убил свою собаку только потому, что Элизабет сбежала с Браунингом. Старый Барретт имел виды на собственную дочь, нет, ты поверишь? Вообще-то на самом деле она не сбежала. Она была парализована ниже пояса, и Пек, то есть Браунинг, был вынужден толкать ее инвалидное кресло по улицам Лондона, тогда как ее отец гнался за ними в экипаже. Такой захватывающей погони я ни разу не видела!

– Могу себе представить, – сказал Саймон. – Значит, ты о них знаешь. В любом случае, Элизабет написала серию любовных стихов «Сонеты с португальского», которые посвятила Браунингу. Он называл ее своей португалочкой, потому что она была очень смуглой.

– Как мило!

– Это точно. Во всяком случае, самый знаменитый сонет – это тот, в котором она перечисляет разновидности любви, на которые готова ради него. Это вдохновило Бругу, и он написал стихотворение, хотя и не в форме сонета.

И Саймон запел:

– Как я люблю тебя? Давай перечислю,
– Сказала Лиза без задней мысли.
Но хитрый Роберт, мысленно взвесив
Своих излиятий мутные взвеси,
Добавив силы, нужной для траха,
Сказал своей португалке без страха,
Чтоб та без бабских уловок и лени
Почаще раздвигала пред ним колени.

– Обойдемся-ка мы без высоких материй,
Что минус, что плюс, вот и вся бухгалтерия.
Телка снизу, а сверху мужик.
Есть ли что в этом мире надежней, скажи?
Вот что, блин, вдохновляет поэтов,
А не сопливые бабьи сонеты!
Да, и пока ничего не сдуло,
Убери-ка жопу свою со стула!

– Это были последние слова Бруги – добавил Саймон. – Спустя минуту какой-то разъяренный алкаш забил его до смерти.

– Отлично его понимаю, – пробормотала Рамона.

– Бруга создавал лучшие свои шедевры лишь тогда, когда ему за его мгновенную поэзию платили тут же, на месте, – сказал Саймон. – Но в данном случае он импровизировал совершенно бесплатно. Он пригласил того бездомного придурка в свою квартиру в Гринвич-Виллидж, чтобы уговорить вместе с ним и со своей любовницей несколько галлонов муската. И посмотри, что он получил в итоге.

– Кругом одни критики, – подвела итог Рамона.

Саймон поморщился.

– Что случилось? – спросила она.

Он принялся пощипывать струны банджо, как будто это был цыпленок, и запел:

– Почему от критиков мне нет житья?
Папу звали Киллер Кейн, скажу вам я.

Над ними затрепетали перья грусти. Рамона закудаhtала, как будто только что снесла яйцо. Однако то была нервозность, а не радость, – именно о ней она и возвестила. Ее неизменно раздражало, когда Саймон соскальзывал в меланхолию.

– Сегодня такой великолепный день, – сказала она. – Как можно предаваться грусти, когда сияет солнце? Ты портишь наш пикник!

– Извини, – ответил он. – Мое солнце черно. Но ты права. Мы любовники, а любовники должны доставлять друг другу радость. Вот старая арабская любовная песня:

Любовь тяжка. Моя душа скорбит...
Что за крыло щекочет нас обоих
В отравы полном воздухе беззвучном?

И тогда Рамона осознала, что его настроение напитывалось грустью в большей степени извне, нежели изнутри. Ветер улегся; вокруг повисла тишина, столь же густая и тяжелая, как рождение гриба в алмазных копиях, или воздух, испорченный кем-то в церкви во время долгого молитвенного собрания. Небо затянуло тучами, столь же черными, как и пятна гнили на банане. А ведь, еще всего минуту назад горизонт был непрерывным, как поддельная генеалогия.

Саймон поднялся на ноги и сунул свое банджо в чехол. Рамона принялась укладывать в корзину тарелки и чашки.

– Ни на что нельзя полагаться! – воскликнула она, едва не срываясь на рыдания. – В сухой сезон здесь никогда, никогда не бывает дождей!

– Как же эти тучи принесло сюда без ветра? – удивился Саймон.

Как обычно, его вопрос остался без ответа.

Рамона едва успела сложить одеяло, когда упали первые капли дождя. Любовники бегом бросились по голове сфинкса к ступенькам, ведущим вниз, но так и не добрались до них.

Дождевые капли слились в сплошную стену воды, как будто небо вдруг превратилось в огромный графин, случайно опрокинутый каким-то пьяным великаном. Их сбило с ног, корзина вырвалась из рук Рамоны и полетела через голову сфинкса вниз. Сама Рамона тоже едва не последовала за ней, но Саймон вовремя схватил ее за руку. Они подползли к ограждению по краям головы и вцепились в вертикальную стойку.

Позже Саймон почти ничего не мог вспомнить. В его сознании в длинное размытое пятно слились немой ужас, зверская тяжесть дождя, холод, клцанье зубов, боль в напряженных руках, вцепившихся в металлическое ограждение, стущающаяся тьма, внезапное появление огромной массы народа, смутное недоумение по поводу того, почему люди столпились на макушке сфинкса и пугающее осознание ответа на это «почему», когда на них обрушилось море, и он в панике дернулся вверх. В следующее мгновение его пальцы разжались, отпуская ограждение, потому что вода поднялась к самому его носу, затем, где-то в шуме и суматохе, он услышал сдавленный крик Рамоны и поплыл в никуда.

Футляр, в котором было банджо, плыл перед ним. Саймон ухватился за него. Футляр давал некоторую плавучесть. Сбросив с себя всю одежду, Саймон сумел остаться на плаву, цепляясь за футляр и усердно работая ногами. В какой-то момент мимо него проплыл верблюд с пятью людьми, и каждый норовил забраться ему на спину. Затем верблюд ушел под воду. Последнее, что увидел Саймон, был вытаращенный верблюжий глаз.

Спустя какое-то время он проплыл мимо макушки Великой пирамиды, за которую цеплялась какая-то женщина. Она истошно вопила до тех пор, пока поднимающаяся вода не залила ей рот. Саймон проплыл мимо, тщетно ломая голову над тем, откуда взялся этот суперливень, погодное бедствие такой мощи, что теперь засушливая земля Египта оказалась на глубине 472 фута под ним?

Наконец в темноте ночи посреди сплошной стены дождя наступил момент, когда Саймон был готов отказаться от своего набрякшего водой духа и дать себе утонуть. Он был слишком измучен, чтобы и дальше сражаться за жизнь. Для него все было кончено.

Саймон был атеистом, однако помолился Яхве, богу своего отца, Марии, любимому боже-ству бабушки, и Гитче Маниту, богу своей матери. Как говорится, хуже не будет.

Но не успел он закончить свои молитвы, как наткнулся на что-то твердое. Это нечто было также полым, потому что бухало под струями дождя, как барабан.

Через несколько секунд буханье прекратилось. Саймон так онемел от холода, что прошло какое-то время, прежде чем он понял: это потому, что дождь также прекратился.

Он ощупал предмет. Тот был похож на гроб, но слишком большой, чтобы быть гробом, если только в нем не заперли мертвого слона. Его верх был скользким и примерно на восемь дюймов выступал над поверхностью воды. Саймон приподнял футляр с банджо и надавил им на этот самый «гроб», толкая его под воду. Тот слегка опустился под его весом, и Саймон положил на него ладони. Ему хватило силы трения, чтобы медленно вскарабкаться на плоскую поверхность, а затем переместиться в ее центр.

Он лежал ничком, хватая ртом воздух, слишком замерзший и несчастный, чтобы уснуть. Несмотря на это, он все же уснул, хотя сны его были малоприятными. С другой стороны, они редко бывали иными.

Проснувшись, он посмотрел на часы: 07:08. Он проспал, по крайней мере, двенадцать часов, хотя сон нельзя было назвать освежающим. Затем, чувствуя с одного бока тепло, он медленно повернулся. К нему прижимался бездомный пес. Спустя какое-то время пес открыл глаз. Саймон погладил его и, обняв, вновь лег лицом вниз. Голод заставил его задуматься о том, а не придется ли ему в конечном итоге съесть четвероного друга человека. Или наоборот. Это была дворяга весом около шестидесяти фунтов (против его ста сорока).

Вероятно, пес был сильнее его, и наверняка очень голоден. Собаки всегда голодны. Саймон уснул, а проснулся опять в темноте под звездами. Пес не спал. Желто-бурой масти, длинномордый, он расхаживал так, будто у него был артрит.

Не желая, чтобы пес нарушил хрупкое равновесие, Саймон подозвал его к себе. Пес подошел и лизнул ему лицо, хотя Саймон не смог понять, было ли это выражением потребности в любви или просто желанием узнать, каков он на вкус. В конце концов, он заснул и проснулся одеревенелым, словно бревно (или кость, давным-давно зарытая псом). Зато ему было тепло.

Тучи куда-то исчезли, солнце стояло высоко, а вода на поверхности предмета, ставшего его ложем, высохла. Саймон впервые разглядел его, хотя по-прежнему не знал, что это такое. Около десяти футов в длину и семи в ширину, предмет имел прозрачную пластиковую крышку.

Из-под которой на Саймона смотрело лицо мертвеца.

3. «Хуанхэ»

Саймон понял, что лежит на одной из пластмассовых витрин, в каких в каирском музее выставлены на показ публике мумии древних фараонов. Герметичная витрина целой и невредимой выплыла из здания.

Саймон столкнул недовольного пса обратно в море, а затем и сам опустил через край в воду рядом с животным. Ему пришлось изрядно повозиться, чтобы поднять крышку и сбросить ее в волны, но в конечном итоге он добился своего. Затем залез через край обратно и забрался внутрь, зачерпнув немного воды. Встав на край открытого гроба внутри витрины, он втащил туда пса. Обнюхав мумию, пес горестно завыл.

После многих тысяч лет одиночества мумия обрела плакальщика.

Саймон опустил на пол и внимательно вгляделся в соколиный лик бывшего правителя Верхнего и Нижнего Египта. Кожа мумии была столь же туго натянута, как у сенатора из Кентукки, и суха, как правительственный отчет. Вместе с жизненно важными соками, время высохло из-под нее всю плоть. А вот кости сохранили свое бывшее высокомерие.

Саймон оглядел витрину. К одному ее краю была привинчена табличка. Он не смог прочесть написанного на ней, потому что буквы смотрели наружу. На другой стороне гроба, на полу, он нашел отвертку, высохший презерватив, пару трусиков и завернутый в фольгу сэндвич с сыром и салями. Похоже, у какого-то музейного работника в гробнице состоялось любовное свидание. Или же ночной сторож привел женщину, чтобы скоротать часы одиночества. В любом случае, кто-то вспугнул любовников, и они сбежали, оставив после себя улики, которые Саймон сопоставил согласно методике Шерлока Холмса.

Саймон благословил их и развернул фольгу. Хлеб, сыр и салями были тверды, как картон, но вполне съедобны. Он разломил сэндвич пополам, дал одну половинку псу и с благодарностью стал грызть свою. Пес, вмиг слолав свою порцию, посмотрел на сэндвич Саймона и зарычал. Саймон подумал, что у него будут с ним проблемы, но затем понял, что рык доносится из живота пса, а вовсе не из его горла.

– Тебе нравятся старые кости? – спросил он, погладив пса. – Можешь сгрызть их. Но не сейчас.

Взяв в руки отвертку, он снял табличку. На ней была такая надпись:

МЕРНЕПТАХ

Фараон, царствовавший с 1236 г. до н.э. по 1223 г. до н.э. Тринадцатый сын Рамсеса II.

Он порядком попортил кровь Моисею.

Моисей и история, в свою очередь, порядком попортили кровь Мернептаху. Все считали его злодеем. Когда люди читали о нем в Библии, как он, преследуя беглых евреев, утонул в Красном море, все думали: «Этому негодяю крупно повезло, что он утонул». Увы, эта история была выдумкой. Мернептах умер в возрасте шестидесяти двух лет ужасной смертью от артрита, закупорки артерий и плохих зубов. Как будто этого и скверной репутации было мало, гробовщики удалили ему яички, а грабители могил надругались над его телом, случайно оторвав ему правую руку.

– Ты по-прежнему полезен, старик, – сказал Саймон. Он сорвал с мумии полотняные полоски, затем отломил пенис и бросил его псу. Пес поймал его, прежде чем тот упал на пол, и проглотил. «Печальный конец могучего фаллоса, осеменившего сотни женщин», – подумал Саймон. Оставалось лишь надеяться, что от пропитанной смолой плоти у пса не разболится желудок.

Тем временем он был не прочь найти новую еду и для себя. Его живот урчал, как грузовик на крутом подъеме. Если только ему не удастся наловить рыбы, он совсем оголодает. И тогда пес сожрет его самого.

Поскольку заняться ему было нечем, Саймон задумался о том, как ему назвать пса. Отвергнув Рекса, Фидо и Ровера, он выбрал имя Анубис. Анубис был египетским богом с головой шакала, который провожал души мертвых в преисподнюю. Шакал ведь тоже своего рода пес! И этот пес, если и не проводник, то в любом случае его попутчик в странной лодке, которая везла их к неведомой, но неизбежной смерти.

Каким бы ни было прежнее имя пса, он охотно отозвался на новое. Он облизнул руку Саймона и поднял на него глаза, большие, коричневые и нежные, как у Рамоны. Саймон потрепал его по голове. Приятно иметь рядом того, кто вас любит и не даст вам почувствовать себя совершенно одиноким. Разумеется, как и всё в этом мире, это имело и свою обратную сторону. Теперь ему придется кормить Анубиса.

Саймон встал и оторвал правую ногу фараона. На миг у него возникло искушение съесть ее самому, но ни его зубы, ни желудок для этого не годились. Он бросил ногу Анубису. Тот удалился в угол и принялся жадно грызть царственную конечность. Через несколько часов у пса начался сильнейший приступ поноса, который, среди прочего, вонял смолой. Встав на саркофаг, Саймон перегнулся через край витрины, чтобы глотнуть свежего воздуха. И тут он увидел сову.

Саймон радостно вскрикнул. Поскольку совы жили на деревьях, а деревья росли исключительно на суше, земля должна находиться где-то близко. На глазах у него большая птица развернулась и полетела на север, пока не скрылась из вида. Это было спасение. Вот только как добраться до суши?

Когда наступили сумерки, Саймон, так и не увидев нигде земли, уныло приготовился ко сну. Вынув Мернептаха из саркофага, он положил фараона на пол витрины, покрытый несколькими дюймами воды, а сам растянулся в его гробу. Когда он проснулся от бивших ему в глаза лучей солнца, то был еще слабее и голоднее прежнего. Он не страдал от жажды, так как морская вода, разбавленная дождем, вполне годилась для питья. Но вода не имеет калорий.

Он посмотрел через край саркофага. Фараон являл собой жалкое зрелище. Анубис изрядно обгрыз его, сжевав кожу, кости и все прочее. Но фараон, неутомимый путешественник, проделал новый путь. Анубис лежал в углу, мокрый и хворый. Саймону стало жалко пса, но помочь ему он ничем не мог. Более того, он был вынужден свесить голову над краем саркофага, чтобы не умереть от зловония, прежде чем отдаст концы от голода.

Спустя несколько часов, когда Саймон уже подумывал о том, что, может быть, лучше добровольно захлебнуться, он увидел что-то на северо-западе. По мере того, как тянулся день, это нечто медленно увеличилось в размерах. Но как только солнце соскользнуло в воду, Саймон понял: это не суша, как он надеялся. Это была субмарина или нечто похожее на субмарину. Увы, она была слишком далеко, чтобы добраться до нее вплавь.

Проснувшись с первыми лучами зари, Саймон первым делом посмотрел на северо-запад в надежде на то, что субмарина не исчезла за ночь. Нет. Похоже, всю ночь она дрейфовала все тем же встречным курсом. Более того, теперь она была довольно близко, и он смог разглядеть, что это не подводная лодка, а космический корабль. На его борту были нарисованы два больших китайских иероглифа, а под ними надпись латинскими буквами: **Хуанхэ**. Поскольку корабль шел своим ходом, экипажа на нем, по всей видимости, не было. Скорее всего, этот космический корабль стоял на приколе на каком-то космодроме, и когда пошел дождь, экипаж по какой-то причине не смог укрыться в нем. Вероятно, космонавты утонули во время попойки в таверне или в постели с подружкой или подружками.

Иллюминаторы были задраены, но открыть один из них – пара пустяков. Рядом должна находиться пластина, на которую нужно нажать, чтобы иллюминатор открылся.

Прошло еще несколько часов. К этому времени Саймон понял: плавучая витрина не столкнется с космическим кораблем. Он придвинул тяжелый деревянный саркофаг к ее стенке, отчего витрина дала крен и зачерпнула воды. Под весом Саймона она накренилась еще больше, и он сам погрузился в море. Анубис не горел желанием оставлять витрину, но выбора у него не было. Подплыв к ближайшему иллюминатору, Саймон нажал на крышку. Дверь вдавилась внутрь, а затем отъехала в сторону. Сунув в отверстие футляр с банджо, Саймон подтянулся, ухватился за край и залез внутрь. Втащив за собой Анубиса, он встал, шатаясь, и принялся наблюдать за тем, как водоворот закружил тонущую витрину. Пара мгновений, и та ушла на дно, а поверхность воды вновь стала ровной и гладкой.

– Ты только подумай, – сказал Саймон Анубису. – Захлебнись старина Мернептах в Красном море, его тело было бы бесследно утрачено, а значит, в музее не было бы витрины с его мумией, и мы с тобой утонули бы еще несколько дней назад. Невольно задаешься вопросом, предназначено ли это судьбой или нам просто повезло?

Саймон частенько думал о предопределении и свободной воле.

Анубис думал главным образом о еде, если только это не был период спаривания, и поэтому даже не стал дожидаться, когда Саймон прекратит болтать. Пес вбежал в корабль, и урчащий желудок Саймона, который также не мог переварить философию, заставил его последовать за ним. Осмотрев корабль, он счел его безлюдным, как и ожидал. Однако в нем оказались внушительные запасы еды и питья, что в данный момент интересовало Саймона больше всего. Поскольку Саймон не хотел, чтобы его тотчас стошнило съеденной пищей, он не стал переедать. Анубис был возмущен тем, что ему в рот попадали сущие крохи, но поскольку не мог ничего с этим поделать, то лишь укоризненно поглядывал на своего нового хозяина.

– Потом дам еще, – пообещал Саймон. – Наешься от пуза. согласишься, это ведь вкуснее окаменевших останков старого фараона, не так ли?

Следующим делом он обшарил шкафчики. Там отыскалась одежда, которая пришлась ему впору. Он вновь облачился в мешковатую серую фуфайку, черные джинсы «левис» в обтяжку и сандалии.

Когда он вернулся в каюту, возле все еще открытого люка на спинке стула сидела сова.

– Кто? – спросила она.

– Не «кто». Почему? – ответил ей Саймон.

Вопрос о том, откуда возникла сова, по-прежнему оставался без ответа, но Саймон подумал, что, скорее всего, она путешествует на крыше космического корабля. Решив, что она тоже голодна, Саймон приготовил для нее китайский омлет. Когда он вернулся с едой в каюту, сова сидела на куче разорванных бумаг на сиденье стула.

Саймон поставил тарелку на пол перед ней. Сова слетела вниз, чтобы схватить еду, что позволило Саймону определить ее пол. Она... она только что отложила яйцо.

Анубис вскочил на стул и проглотил яйцо. Сова, похоже, не возражала. Саймон решил, что катастрофа убила в ней материнский инстинкт. Но это было даже к лучшему, в противном случае животные могли не поладить друг с другом.

Саймон решил назвать свою новую питомицу Афиной. Афина была греческой богиней мудрости, а ее символом была сова. Считалось, что совы очень умны, хотя на самом деле они такие же тупицы, как и куры. Но Саймон увлекался мифологией, что, в общем-то, и следовало ожидать от человека, назвавшего свое банджо в честь мифического певца Орфея.

Он изучил приборы в машинном зале, так как слышал, что даже полный болван способен управлять космическим кораблем. Однако в данном случае это должен был быть китайский болван. Имейся на борту книга, которая позволила бы ему выучить китайский язык, он бы понял, как управлять этим напигованным электроникой судном. Он уже принял решение проститься с Землей навсегда. Здесь его больше ничто не держало.

В последующие годы, во время его странствий, Саймона часто спрашивали, что случилось с его родной планетой.

– Землю смыло потопом, – отвечал он. – Игра жизни была прекращена по причине сильного ливня.

В настоящий момент главный вопрос звучал так: кто сделал это с Землей? Ведь кто-то же вызвал этот потоп. Этого никогда бы не произошло, следуй земные события своим ходом. Кто-то нажал кнопку, которая привела в действие машину или вбросила химикаты, которые обрушили с небес все сто процентов атмосферной влаги в океан.

Кто это сделал и почему?

Был ли это неудачный эксперимент некоего безумного ученого? Или потоп вызвала некая иная планета, которой мешала Земля? Или все дело в том, что земляне дурно пахли? Обитатели Земли имели репутацию самой пахучей расы во всей Вселенной. Жители миллиона планет называли их Вонючками. Это отношение прекрасно иллюстрировала старая поговорка арктурянов: «Никогда не стой по ветру от шрука или землянина». Шрук – это такой маленький зверек с Арктура-VI, запах которого заряжен вонью скунса, жука-бомбардира и собачьего пердежа с легкой нотой гниющей мусорной кучи.

Среди инопланетян считалось, что причиной дурного запаха землян была их пища, состоявшая в основном из хот-догов, картошки фри, безалкогольных газированных напитков и пива, даже среди китайцев. Но осьминоги с Алгола, возможно, самые большие философы из всех рас, утверждали, что причина дурного запаха отнюдь не в пище. На физиологию влияла психология. Земляне дурно пахли, потому что воняла их этика.

Такое отношение обижало землян, но они решали эту проблему со свойственным им извращенным рвением, создав огромную парфюмерную индустрию, в которой были задействованы миллионы людей, и путешественники с Земли, прежде чем высадиться на чужой планете, всегда щедро опрыскивали себя духами. При этом духи тщательно выбирались, так как ароматы, которые нравились спиканам, явно оскорбили бы обитателей Веги. Единственной планетой, где духи были под запретом, был Сириус-VII. Каниноиды при встрече обнюхивали друг друга зад, отчего пользоваться духами там строго-настрого воспрещалось. Землянам пришлось согласиться с этим обычаем, иначе они никогда бы не получили первую инопланетную базу для продажи своих товаров. Они пытались обойти этот запрет, отправив туда агентов, у которых не было обоняния, но, увы, уловка не сработала. Все жители Сириуса выглядели совершенно одинаково и отказывались носить таблички с именами. Таким образом, никто из землян не знал, с кем он имеет дело, если не был обладателем острого обоняния.

Это требование открыло совершенно новую область для специалистов, которым платили огромные премии. Прежде чем они могли рассчитывать на работу, они должны были получить новую степень – доктор анусологических наук.

Несмотря на невероятные зарплаты, в этой области была жуткая текучка кадров, а главной причиной ухода на покой было самоубийство. Тогда один головастый молодой руководитель отдела по связям с общественностью придумал поиск вакансий через компьютер, что позволяло найти фетишистов определенного типа. Как оказалось, на Земле проживало более пятисот тысяч мазохистов, обожавших истязать себя неприятными запахами. Из них пятьдесят тысяч человек специализировались на собачьем дерьме. Сириусианской торговой корпорации требовалось лишь двенадцать тысяч, поэтому данная сфера внезапно стала монополией этой горстки людей. Необходимость в специалистах в области анусологии отпала. Более того, поскольку они стремились работать на сириусян, то отчаянно сбивали цены, и Сириусианская торговая корпорация (СТК) нанимала их за сущие гроши, достойные разве что только рабов.

Тот же самый головастый молодой пиарщик позднее вдохновился идеей, которая избавила Землю от всех извращенцев. Где-то в этой Вселенной существовала планета, где то или иное земное извращение считалось не только чем-то нормальным, но и весьма желательным.

При помощи компьютера он провел еще один глубокий поиск, и вскоре СТК запустила рекламу с целью привлечения фетишистов, мазохистов, садистов, истязателей детей, расистов, профессиональных солдат, наркоманов, алкоголиков, обожателей огнестрельного оружия, мотоциклистов, любителей животных, эксгибиционистов, религиозных фанатиков, членов Женского христианского союза трезвости и поклонников научной фантастики. Предлагаемые оклады и престиж были столь высоки, что многие не извращенцы попытались записаться в ряды извращенцев. Увы, таких ловчил тщательно отсеивали, пропуская через сито многочисленных психологических тестов. Те, кто проходил отбор, продолжали обучение в бизнес-колледже под эгидой СТК. Это стало самым мощным бизнесом на Земле благодаря его расширению на многие другие планеты, помимо Сириуса.

Земля была очищена от извращенцев, и все оставшиеся ожидали прихода Золотого века. Но за двадцать лет на Земле вновь появилось не меньшее количество извращенцев, нежели было раньше. Это вызвало возмущение, и правительства каждой страны создали следственные органы. Их доклады так и не были опубликованы, ибо указывали на то, что во всем повинна система воспитания детей. Избиратели просто не поддержали бы этот пункт. И поэтому Земля спокойно вернулась к нормальной жизни, то есть снова кишела уродами и мерзавцами всех мастей.

СТК было наплевать. Ей прекрасно хватало квалифицированных и преданных делу сотрудников.

Саймона мучил вопрос, не оскорбил ли этот экспорт ущербных личностей какую-то планету, и та решила положить конец их поставкам? Наверно, однажды он узнает истину, но лишь после того, как научится управлять космическим кораблем. Это было возможно, так как он нашел книгу, которая учила китайцев читать и писать по-английски. Поменяв порядок рекомендаций на противоположный, он смог бы научиться читать по-китайски.

Шли дни. Корабль дрейфовал. Когда начались штормы, Саймон задраил люк и поплыл себе дальше. Однажды, изучая на капитанском мостике навигационные приборы, он почувствовал, как корпус корабля содрогнулся, словно от удара. Включив телевизор внешнего обзора, он увидел то, на что надеялся. Нос «Хуанхэ» застрял в грязном берегу большой бухты. Перед ним вздымалась гора.

На следующий день Саймон вместе с псом и совой вышел наружу и огляделся. Вопреки тому, что он сначала подумал, они находились не на горе, а в седловине между двух горных вершин.

Саймон зашагал вверх по склону ближней горы.

На полпути к вершине он наткнулся на каменную плиту, лежащую надписью вниз и наполовину зарытую в жидкой грязи, которая принесла ее сюда откуда-то сверху. Подняв ее вертикально, он прочел начертанные на ней слова:

27 СЕНТЯБРЯ 1829 ГОДА ДЖ. ДЖ. ФОН ПЭРРОТ, ГЕРМАНСКИЙ ПОДДАННЫЙ, СТАЛ ПЕРВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ ВЗОШЕЛ НА ВЕРШИНУ ГОРЫ АРАРАТ, РАСПОЛОЖЕННУЮ НА ВЫСОТЕ 16,945 ФУТОВ НАД УРОВНЕМ МОРЯ. ОН НЕ НАШЕЛ НОЕВА КОВЧЕГА, ЗАТО НАСЛАДИЛСЯ ОТКРЫВШИМСЯ ПЕРЕД НИМ ВИДОМ, ПОЕДАЯ ПРИ ЭТОМ СЭНДВИЧ С САЛЯМИ. ЭТО БЫЛО ЗА 58 ЛЕТ ДО «ПАУЗЫ, КОТОРАЯ ОСВЕЖАЕТ».

Любезно предоставлено компанией «Кока-кола».

Саймон прибыл на своем ковчеге в то же самое место, где должен был высадиться Ной. Такое совпадение могло произойти только в плохом романе, но Природе было наплевать на литературную эстетику. Подобный стрекоту кузнечиков, голос тысяч критиков пронзительно

возопил на Нее, а затем стих, она же продолжила терпеливо писать свои рассказы, ни один из которых не имел счастливого конца.

Саймон не верил в библейскую историю о потопе. Хотя в детстве воспринимал ее всерьез. Однако, когда он пошел в среднюю школу, у него появились сомнения. Поэтому он отправился к доброму старому раввину по имени Исаак Апфельбаум и спросил его, почему Книга Бытия полна такой откровенной лжи, вроде баек про Эдемский сад, ангелов, брюхатающих человеческих дочерей, потоп, Вавилонскую башню и тому подобное.

Раввин вздохнул, а затем терпеливо объяснил, что священные писания любых народов не являются учебниками. Они суть притчи, призванные научить людей быть добрыми и придерживаться определенных рамок поведения, чтобы жизнь текла как можно более гладко. По большому счету, они служат путеводителями царства небесного на земле и, если удастся, то и в загробном мире. Мудрые старцы разработали рекомендации, как лучше всего избежать неприятностей.

– И ни одна из них не была написана мудрыми старухами? – удивился Саймон. – Почему? Разве у мужчин есть монополия на правду?

– Ты забыл о Мэри Бейкер Эдди, – сказал раввин.

– Она всю жизнь хворала, – сказал Саймон. – Разве может хворый человек быть мудрым?

Раввин оставил это без комментария. В любом случае, он не был заинтересован в раздувании соперничества.

– Но тогда почему все путеводители разные? – допытывался Саймон. Теперь, когда он смотрел на гору Арарат, ему вспомнился этот вопрос. Он также подумал о путеводителях, которыми разжился накануне пикника. Если уж мужчины не смогли договориться о размерах такого конечного физического объекта, как Сфинкс, то откуда они могли знать, как устроен рай? То есть, если рай, конечно, существовал. Саймон не сказал об этом раввину, но подумал, что с тем же успехом, что и во врата рая, можно верить в «дорогу из желтого кирпича».

– Путеводители просто отсылают вас в разные стороны, – сказал раввин. – Но конечный результат одинаков. Все дороги ведут в Рим.

После этого раввин умолк. Если бы он продолжил, то обратился бы ребенка в католицизм.

Саймон посмотрел на письма, которые скалолазы, явившиеся после Пэррота, пожелали оставить на табличке. Под самой нижней строкой его надписи какой-то идиот накорябал:

ПЕРВЫМ ЗДЕСЯ БЫЛ ЙЯ. НОЙ.

Другой идиот накорябал ниже:

**НЕТ. ПЕРВЫМ ЗДЕСЬ БЫЛ Я, ТЫ НЕГРАМОТНЫЙ УБЛЮДОК.
БОГ.**

Сбоку шла сделанная позднее вертикальная надпись:

**ТЕ, КТО ТУТ ПИШУТ, – МУДАКИ. ОКЕЙ. ВСТРЕТИМСЯ В
МУЖСКОМ ТУАЛЕТЕ, В ФОЙЕ ООН.**

С другого бока основного текста шла еще одна вертикальная надпись:

НЕУЖТО НИКТО НИКОГО НЕ ЛЮБИТ?

Под этим Саймон нацарапал ответкой:

Я ЛЮБЛЮ, НО ЛЮБИТЬ ТУТ БОЛЬШЕ НЕКОГО.

Оставив надпись на плите, Саймон почувствовал себя идиотом. И даже едва не расплакался. Неужели он тоже из числа тех дураков, чьи имена и лица появляются в общественных местах? Что за последняя воля и завещание! Кто, кроме него, единственного выжившего, прочтет эти слова?

Через мгновение стало ясно кто.

4. Какой счет?

Старику, который, что-то бормоча, ковылял к нему, на вид можно было дать лет сто, не меньше, – лысый, с длинной седой бородой до колен. Его одежда была того покроя, который вышел из моды более шести веков назад. Сам старик тогда даже еще не родился. Так почему на нем желтые перчатки, белый кружевной воротник и кафтан, слишком туго перетянутый в талии?

Саймон привел старика на борт «Хуанхэ», где усадил его на стул и дал стакан рисового вина. Старик выпил его одним глотком, а затем, держа Саймона тощей рукой за рукав, спросил:

– Кто выиграл чемпионат?

– Что? – уточнил Саймон. – Какой?

– Мировой чемпионат 2457 года, – ответил старик. – «Кардиналы Сент-Луиса» или «Токийские тигры»?

– Ради бога, откуда мне это знать? – сказал Саймон.

Старик простонал и налил себе еще один стакан вина. Затем понюхал его, сморщил нос и сказал:

– У тебя есть пиво?

– Есть. Немецкое, – сказал Саймон.

– Пойдет и такое, – произнес старик. – О, как я жаждал все эти столетия выпить стакан холодного американского пивка! Особенно старого доброго пивка из Сент-Луиса!

Саймон сходил в кладовку за единственной оставшейся бутылкой «Лёвенброя». Не иначе как та была из запасов единственного немца среди членов экипажа. Над его койкой висели портреты Бетховена, Бисмарка, Гитлера (спустя тысячелетие тот превратился в романтического героя) и Отто Манчкина, первого человека, разбившегося на «Фольксвагене». У него также была небольшая библиотека, в основном включавшая в себя китайские или немецкие книги. Саймона заинтриговало название одной из них, «Die Fahrt der Snark», («Плавание Снарка»). Увы, книжка оказалась отнюдь не комментарием о проблемах пищеварения Льюиса Кэрролла, а описанием путешествия, которое некий писатель начала XX века по имени Джек Лондон совершил по Южным морям. Позже Лондон покончил жизнь самоубийством, потому что люди, которых он любил и которым доверял, обманули его.

Саймон вернулся к старику и протянул ему пиво.

– Так ты вспомнил? – спросил старик.

– Что именно?

– Кто выиграл чемпионат?

– Никогда не интересовался бейсболом, – ответил Саймон. – Вы ведь говорите о бейсболе, не так ли?

– Я думал, ты американец, разве нет?

– Никаких национальностей больше нет, – объяснил Саймон. – Есть лишь земляне, находящиеся под угрозой исчезновения как биологический вид. Как вас зовут?

– Сайлас Т. Комбербек, космонавт первого класса, – ответил старик. Он сделал глубокий глоток и блаженно выдохнул. – Эта немчурка так и не научилась варить хорошее пиво, – тем не менее заметил он.

Как только ум Комбербека оставил тему бейсбола, он сам заговорил так, как будто за последние шестьсот лет не видел никого из людей. Впрочем, так оно и было. Он покинул Землю в 2457 году, потому что его невеста сбежала с парикмахером.

– Это дает вам представление о ее личности, – заявил старый Комбербек. – Господи, тот тип совершенно не разбирался в бейсболе!

Однажды, выпивая в баре на планете в галактике NGC7217, Комбербек неожиданно решил вернуться домой и узнать, кто выиграл чемпионат 2457 года. Он много лет расспрашивал об этом других космонавтов, но даже заядлые любители бейсбола не могли ответить на его вопрос. Они были слишком молоды, чтобы помнить о таком далеком времени. Поэтому, повинаясь импульсу, он подписал контракт на должность космонавта первого класса на угандийском грузовом звездолете и отправился прямо домой – так он думал. Увы, на полпути корабль получил сигнал бедствия с планеты в галактике NGC5128.

– На самом деле NGC5128 – это место столкновения двух галактик, – продолжил он. – Они сталкиваются вот уже пару миллионов лет, но пространства между солнцами так велики, что большинство жителей планет думали, что им не о чем беспокоиться. Но эта планета Рексрокси через тысячу лет должна была стать жертвой столкновения. Поэтому всех оттуда эвакуировали. Этот сигнал бедствия передавался уже в течение пятисот лет. Мы приземлились на Рексрокси и заключили сделку с местными жителями. Мы сбросили наш груз и втиснули на борт около трех тысяч тамошних обитателей. Они прилично раскошались, уж поверьте!

Капитан собирался взять курс на планету одной звезды возле Ориона и посадить там пассажиров. Но ему нужно было быстро отправить депешу в головной офис. Я вызвался доставить ее туда на одноместной ракете. Я не собирался терять месяц, перевозя этих комичных уродцев, дышащих цианидами. Я прибыл сюда два дня назад, посадил мою ракету на другой стороне горы и обошел ее вокруг, пытаясь найти кого-то, кто мог бы сообщить мне результат чемпионата.

– А я надеялся, что вы знаете, чем вызван этот ливень, – сказал Саймон.

– О, я знаю! Я имел в виду, кто выиграл чемпионат? В тот день, когда я отправился в космос, «Кардиналы» играли против «Тигров». Черт возьми, не будь я так зол на Альму, я бы остался и досмотрел игру до конца.

– Я знаю, что мой вопрос тривиален, – сказал Саймон. – Но что вызвало такой сильный ливень?

– Успокойтесь, – сказал старый космонавт. – Если бы вы видели столько разрушенных миров, сколько видел я, и сколько миров, которым предстояло погибнуть, вряд ли вы стали бы воспринимать это так близко к сердцу.

Комбербек допил бутылку и побарабанил пальцами по подлокотникам кресла. Наконец, Саймон не выдержал:

– Ну, так что же случилось?

– Знаете, это, должно быть, они, Хунхоры!

– Кто такие Хунхоры?

– Господи, парень, неужто ты вообще ничего не знаешь? – воскликнул Комбербек. – Это раса, которая зачищает Вселенную!

Саймон вздохнул и терпеливо попросил его начать с самого начала. Как выяснилось, Хунхоры были обитателями планеты неизвестной галактики, расположенной на расстоянии триллиона световых лет от Земли. Судя по всему, это были самые большие альтруисты из всех обитателей Вселенной. Они благодетельствовали себя и теперь вышли в космос, чтобы благодетельствовать других.

– Они не терпят лишь одного – видеть, как люди убивают свою собственную планету. Ну, ты знаешь, загрязняя окружающую среду. Хунхоры пытаются выявить паразитов и, обнаружив таковых, проводят очистку планеты. Таким образом, они обеззаразили – они называют это обеззараживанием – около тысячи планет на одном только Млечном пути. Неужели ты никогда о них не слышал?

– Думаю, что если бы кто-то на Земле о них слышал, мы все бы давно о них знали, – ответил Саймон.

Комбербек покачал головой.

– Знай я, что на Земле о них не слышали, я бы поспешил домой и предупредил об опасности. Но космос огромен, мне же и в голову не могло прийти, что Хунхоры отправятся на Землю в течение ближайшей тысячи лет. Мне казалось, что пока рано бить тревогу.

Комбербек знал: именно Хунхоры вызвали Второй Всемирный Потоп. Пересекая по пути домой орбиту Плутона, он видел, как один из их кораблей бороздил просторы космоса.

– Они делают это так: выпускают в атмосферу планеты некое вещество, которое превращает в осадки все до единой молекулы воды, содержащейся в воздухе. Ты не поверишь, что за ливень начинается при этом!

– Да уж представляю, – буркнул Саймон.

– Ну, пожалуй. Скажи, ты уверен, что у тебя больше нет пива? Совсем? В общем, осадки очищают атмосферу и сушу и затопляют почти всех и вся. После того, как вода испаряется, из семян вновь начинают расти деревья, а в горах всегда находится несколько птиц и животных, чтобы дать начало новой фауне. Кроме того, всегда остается несколько разумных существ, но им требуются тысячелетия, чтобы вновь размножиться до такой степени, чтобы они снова начали загрязнять свою планету. У Хунхоров имеется график дезинфекции планет. Считается, что их нужно обеззараживать каждые десять тысяч лет. Правда, им не хватает рабочей силы, так что их возвращения можно не ждать в течение пятидесяти тысяч лет.

Большую часть своей жизни старик провел вдали от Земли, путешествуя на кораблях, которые летали быстрее скорости света. Это объясняло то, почему он до сих пор жив, а не превратился в прах шестьсот земных лет назад. Люди, летающие на кораблях со скоростью света или быстрее, стареют очень медленно. На борту таких кораблей время текло медленнее. Стороннему наблюдателю показалось бы, что у пассажира уходит месяц на то, чтобы открыть рот и попросить кого-нибудь передать ему сахар. Оргазм длился бы год, что особо подчеркивалось в рекламе пассажирских космических лайнеров.

Правда, рекламщики умалчивали о том, что людям на корабле казалось, что их жизнь протекает с нормальной скоростью. Их субъективные ощущения говорили им, что они живут в соответствии с хорошо знакомым временем. Когда какой-нибудь пассажир жаловался на ложную рекламу, потому что на самом деле он кончал всего за четыре или пять секунд, капитан обычно отвечал, что на корабле так оно и есть. Но на Земле, на часах в главном офисе компании, было видно, что пассажир провел в космосе четыреста дней.

Если пассажир продолжал ныть, капитан заявлял, мол, все претензии к Эйнштейну. Ведь кто, как не он, придумал теорию относительности?

Между тем старик опьянел и отключился. Саймон уложил его в постель и вывел пса на прогулку. Дувший с юга ветер был густым и липким от смрада гниющих тел. По мере испарения воды взгляду открывались тела животных, птиц и людей, которыми был усеян склон горы. Чему была ужасно рада горстка выживших стервятников и крыс. Они прямо-таки наслаждались смрадным ветром. Зато Саймон от него едва не задохнулся. Не в силах больше оставаться на открытом воздухе, он был вынужден запереться на корабле и ждать, когда остатки протухшего мяса будут съедены полностью.

Глядя с утеса вниз на останки сотен мужчин, женщин и детей, Саймон плакал. Все они когда-то были младенцами, которые нуждались в любви и заботе и считали, что будут жить вечно. Даже наихудшие из них жаждали любви и во многих отношениях стали бы лучше, если бы смогли ее найти. Но чем больше они хватались за нее, тем хуже они становились. Даже хорошим людям подчас трудно найти любовь, так что... какой шанс был у плохих?

Человечество миллион лет пыталось обрести любовь и бессмертие. Люди вели бесконечные разговоры и о том, и о другом, но главным образом болтали о несуществующих вещах. И даже если эти вещи и существовали, это бывало так редко, что их почти никто не узнавал. Любовь – вещь редчайшая, драгоценнейшая, а на бессмертие можно только надеяться, ибо доказать его не представляется возможным.

По крайней мере, так было на Земле.

Чуть позже Саймон встал во весь рост и погрозил небу кулаком. И в этот момент он понял, что должен покинуть Землю и начать задавать самый главный вопрос.

Почему мы рождаемся лишь для страданий и смерти?

5. Буджум¹ пространства

Саймон пешком обошел окрестности и обнаружил одноместную ракету там, где Комбербек оставил ее. Она была построена компанией «Титаник энд Икарус Спейсшип компани инкорпорейтед», что не внушило Саймону доверия. Однако, осмотрев ее, он решил перелететь на ней обратно к «Хуанхэ». Он решил, что поместит ее в большом ангаре на корме корабля. При случае, во время путешествия в межзвездном пространстве, ее можно будет использовать в качестве шаттла или спасательной шлюпки.

Вернувшись на большой корабль, Саймон обнаружил, что старик исчез. Он вновь был вынужден отправиться на пешую прогулку. Спустившись по раскисшему склону, он увидел, что Комбербек бродит среди развалин деревни. Услышав, как под ногами Саймона чавкает грязь, старик поднял голову.

– Даже в армянской деревне должна быть библиотека, – сказал он. – В наш век не осталось неграмотных. Здесь наверняка должна быть книга с результатами чемпионата.

– Это все, что вам нужно для счастья?

Старик на минуту задумался.

– Нет. Если бы у меня встал, я был бы гораздо счастливее. Но что толку? Тут нигде не видать ни одной бабы.

– Я, скорее, имел в виду, что кто-то мог бы составить вам компанию или, может быть, стать сиделкой.

– Кто угодно, лишь бы он любил бейсбол, – ответил Комбербек.

Саймон покачал головой и ушел. В последующие несколько недель он прочесал каждый дюйм Большого и Малого Арарата. Увы, единственные люди, которые попались ему на глаза, были мертвы. В последний день поисков он вернулся на корабль с мыслью облететь эти места – вдруг где-нибудь остались выжившие? Тогда, поручив им заботу о старике, он сам улетит в межзвездное пространство.

Когда он вернулся к кораблю, уже смеркалось. «Хуанхэ» лежал к нему бортом, и, как обычно, его вид вселил в Саймона тревогу. Он никогда не мог понять причины этого беспокойства. Судно имело около шестисот футов в длину и в целом было цилиндрической формы. Нос его походил на луковицу; корма опиралась на две полусферы, в которых размещались двигатели, приводившие «Хуанхэ» в движение. Они находились отдельно от корабля, на тот случай, если двигателям угрожала опасность взрыва, их можно было легко отбросить.

Из главного бокового люка, который оставался открытым, струился свет. Увидев его, Саймон пришел в отчаяние. Уходя, он строго-настрого приказал старику ночью держать люк закрытым.

На Арарат пришла весна, и москиты свирепствовали вовсю. Странно, но потоп не уничтожил их всех, и теперь они размножились в миллиардных количествах, так как большинство их естественных врагов, летучих мышей и птиц, были мертвы. Саймон поспешил войти внутрь корабля и торопливо задраил люк. Войдя, он окликнул старика по имени. Комбербек не ответил. Саймон прошел в кают-компанию, где и обнаружил старика бездыханным. Он сидел на стуле. Полголовы было снесено выстрелом. На коленях мертвеца лежал пистолет китайского производства. На столе перед ним лежала книга со следами грязи и воды, открытые страницы разбухли и покоробились. Увы, они промокли не от дождя. Они промокли от слез.

Это была «Энциклопедия Террика», том IX, Барракуда – Бермудский ром. Никакой прощальной записки Комбербек не оставил, но Саймон прочел в разделе «Бейсбол: Чемпионаты мира» все, что ему нужно было знать. Чемпионат 2457 года закончился скандалом.

---

¹ Буджум – поверхностный квантованный вихрь в жидком кристалле. – Примеч. пер.

В середине финальной игры, когда счет был 3:4 в пользу «Тигров», полицейские арестовали пять человек из Сент-Луиса. Комиссар только что получил доказательство того, что эти люди взяли деньги у владельцев тотализатора, чтобы подтасовать результаты. «Токийские тигры» выиграли по умолчанию, а пятеро арестованных получили максимальные сроки тюремного заключения.

Саймон похоронил старика и воздвиг на его могиле плиту фон Пэррота. На обратной ее стороне, которая теперь служила лицевой, он нацарапал такие строки:

САЙЛАС Т. КОМБЕРБЕК

2432–3069

Под этим камнем обрел покой
Космонавт и фанат бейсбола.
Немало столетий он правду искал,
Пока не узнал крамолу.
Эх, лучше бы он и дальше пил
Пиво в космическом баре,
Чем, убитый грехом «Кардиналов», гнил
В могиле на Земном шаре!
Ненавистен ему бейсбольный мяч,
Его герой оказался шлюхой,
Лучше бы он про этот матч
Не ведал ни сном, ни духом.

Последняя строка содержала хороший совет, но Саймон отказывался ему внимать.

Забравшись внутрь «Хуанхэ», он задраил люк и сел перед панелью управления на капитанском мостике. В компьютерных базах сохранились звездные карты. Приди Саймону в голову мысль отправиться, например, на шестую планету 61А Лебеда, ему было бы достаточно лишь нажать на нужные кнопки. Остальное сделал бы за него компьютер.

Словно бы в шутку, – хотя кто поручится, какое знание скрывалось в его сердце? – он попросил корабль отправить его на Небеса.

К его удивлению, на экране компьютера высветился китайский эквивалент английского «ОК». Последовала двухминутная пауза, пока компьютер проверял, все ли в порядке. Затем корабль отделился от земли, принял вертикальное положение и взмыл в небо.

Саймон не ощутил никаких изменений в положении корабля, спасибо искусственному гравитационному полю. А вот его настроение резко изменилось. Он отчаянно застучал по клавиатуре.

– Куда ты меня везешь?

– На Небеса, как и было сказано.

– Где же эти Небеса?

– Небеса – вторая планета Беты Ориона. Это планета Т-типа, на которой отсутствовала разумная жизнь, пока в апреле 2879 года там не высадилась экспедиция землян...

Саймон отменил приказ.

– Отвези меня в какую-нибудь неисследованную галактику, а там видно будет, – напечатал Саймон.

Через несколько секунд они нырнули в черную бездну. Корабль мог развивать скорость, в 69 000 раз превышающую скорость света, но Саймон удерживал ее на более низком уровне – она превышала скорость света лишь в 20 000 раз, или 20X. Сам привод носил название «soixante-neuf», что по-французски означало шестьдесят девять. Изобретен он был в 2970 году

неким французом, чьего имени Саймон не запомнил. То ли Пьер Ле Шанс, то ли Пьер Ле Шанкр, – он не был уверен, поскольку никогда не интересовался историей освоения космоса.

Когда первый корабль, оснащенный таким приводом, – «Золотой гусь» – разогнали до максимальной скорости, те, кто находились на его борту, испугались пронзительного шума.

При скорости в 20 000 раз быстрее скорости света этот шум начался как тихое шуршание, но когда корабль разгонялся, он становился громче и пронзительнее. При скорости в 69X корабль наполнял такой душераздирающий визг и вой, какой можно услышать, лишь когда женщина с узким тазом разрешается от бремени, или когда мужика бьют по яйцам. О происхождении этих звуков существовало немало теорий. Затем в 2980 году доктор Мэлоун, умнейший человек (когда бывал трезвым), разгадал эту загадку. Было известно, что всё, кроме своей стартовой энергии, привод получал из пятого измерения.

В этом измерении имелись звезды, подобные нашим, с той единственной разницей, что их форма имела пять измерений, что бы это ни значило. Эти звезды были живыми существами и имели сложную энергетическую структуру, так же, как звезды в нашей Вселенной, которые тоже были живыми. Однако попытки установить контакт с этими звездами потерпели неудачу. Возможно, они, как дельфины, просто не хотели говорить с нами. Это неважно. Важно другое: что привод крал энергию у этих живых существ. Им не нравилось, когда их убивали, привод же причинял им страшную боль. Вот поэтому, объяснил доктор Мэлоун, они и кричали.

Многие после этого вздохнули с облегчением. Однако некоторые настаивали на том, что межзвездные путешествия следует прекратить. Кто знает, вдруг мы лишаем жизни разумные существа. Их оппоненты заявляли, что если это правда, то это достойно сожаления. Но другие расы использовали привод, поэтому звезды все равно будут убиты. Если мы откажемся от его использования, то у нас не будет прогресса. Мы рискуем оказаться во власти злых и кровожадных инопланетян. Кроме того, не было никаких свидетельств того, что звезды пятого измерения умнее дождевых червей.

Саймон не знал, что тут правда, а что – нет. Но его корежило от воплей, которые при скорости 69X были такими истощающими, что не помогали даже беруши. Поэтому он держал корабль на скорости 20X в надежде, что те, в самом деле, нанесут звездам лишь пару-тройку синяков.

«Хуанхэ» стремительно вылетел из Солнечной системы. Вскоре Солнце превратилось в крошечный огонек, который быстро погас, как если бы его потушили, погрузив в воду. Небесные тела впереди, какими Саймон видел их на экране, были совсем иными, нежели при скорости ниже скорости света. При скорости в 20X корабль пребывал, по сути, наполовину в этой вселенной и наполовину в каком-то другом месте.

Звезды и туманности являли собой дивное зрелище. Они были прекрасны, но их красота внушала ужас и благоговейный трепет, поражая своим умопомрачительным величием и необычными формами. Они пылали и меняли очертания, напоминая адское пламя, созданное заторчавшим на героине Люцифером. Поэты не раз пытались описать небеса на сверхсветовых скоростях, но все как один потерпели неудачу. Но известен ли случай, когда убогий комментарий бывал равен шедевральному тексту?

Саймон сидел, придавленный силой тяжести к креслу, и постанывал от экстаза и ужаса. Спустя какое-то время он понял, что у него гигантская эрекция, и кто знает, что произойдет, если ему не помешают.

Пес, уже какое-то время повизгивавший и скуливший, внезапно громко зарычал и сорвался с места. Саймон попытался не обращать на него внимания. Затем разозлился. Он пребывал на грани величайшего оргазма в своей жизни, а эта шавка могла все испортить. Он прикрикнул на Анубиса, но тот даже ухом не повел.

Наконец, Саймон вспомнил то, о чем читал в школе и видел в телесериалах. Он тотчас испугался, хотя и не был уверен, что у него имелись для этого все основания.

Как известно, все собаки – медиумы. Они видят то, что люди когда-то называли призраками. Теперь же было известно, что это объекты из пятого измерения, которые проникали в нормальное пространство, не замеченные грубыми чувствами человека. Они проходили через определенные каналы, образованные формой пятого измерения. Главный канал на Земле пересекал Британские острова, поэтому в Англии «призраков» было больше, чем в любом другом месте на планете.

На борту каждого корабля землян, который покидал пределы Солнечной системы, находилась собака. Ограниченный скоростью света радар не подходит для судна, идущего на скорости, ее превышающей. А вот собака могла обнаружить других живых существ даже на расстоянии в миллион световых лет, если они также двигались в режиме «шестьдесят девять». Для собак другие существа в этом многомерном мире были призраками, а призраки чертовски пугали собак.

Саймон нажал на кнопку. Экран ожил и показал ему вид с правого борта судна. Саймон не ожидал увидеть приближающийся корабль, ибо тот шел со сверхсветовой скоростью. Зато он увидел черную воронку, двигавшуюся наперерез его кораблю. Саймон понял, что это не что иное, как след от судна с приводом «69». Одна из особенностей этого привода состояла в том, что корабль оставлял за собой «тень», конической формы черноту неизвестной природы. Взгляни Саймон на экран заднего вида, он увидел бы позади своего корабля лишь круг пустоты.

Он был убежден, что приближающийся к нему корабль – это корабль Хунхоров, и что он движется на перехват «Хуанхэ». Это было единственное разумное объяснение, почему их корабль не изменил курс, хотя было видно, что это неизбежно приведет к столкновению. По всей видимости, Хунхоры намеревались помешать ему известить другие миры о том, что они сделали с Землей.

Саймон нажал на педаль акселератора и вдавливал ее в пол до тех пор, пока стрелка спидометра не подползла к правому краю датчика. При этом он резко крутанул руль, отклоняя корабль влево. Незнакомый корабль моментально изменил курс и последовал за ним.

Тихий гул двух машинных залов перерос в пронзительный визг. Анубис страдальчески взвыл, сова, ухая, принялась летать кругами. Саймон сунул в уши затычки, но те были бессильны спасти его от жуткого воя. Не смог он отключить и совесть. Где-то в одной из Вселенных пяти измерений живое существо терпело адовы муки, чтобы он мог спасти свою шкуру.

Через десять минут истошные вопли внезапно смолкли. Вот только Саймону не стало от этого легче. Это лишь означало, что звезда умерла, лишившись своего огня, лишившись, по сути, каждого атома своего тела. Он замер в ожидании. Вскоре крики возобновились. Привод отыскал очередную жертву, звезду, которая всего минуту назад мирно и счастливо паслась на космических лугах.

Вскоре два корабля уже находились на одной и той же плоскости. Но теперь корабль Хунхоров шел где-то позади «Хуанхэ». Из-за черноты, что тянулась следом за ним, Саймон не мог видеть его на заднем экране. Где-то в этом конусе был и корабль Хунхоров. Или все-таки не был? Чисто теоретически, ничто не могло существовать в непосредственной близости от корабля, движущегося со скоростью 69X. Но одно космическое судно могло идти вслед за другим. Правда, преследователя в это время не существовало. Тогда где же он был? В шестом измерении, утверждали теоретики. Но тогда все, что шло в кильватере преследователя, должно было существовать в седьмом измерении, а любое судно в его кильватере – в восьмом, и так далее.

Большинство теоретиков это объяснение вполне устраивало. Количество измерений было бесконечным, как был бесконечным и числовой ряд. Однако гениальный индийский математик, доктор Утапал, заявил, что предел все-таки существует. При помощи уравнения, столь непонятного, что оно осталось недоказанным, Утапал продемонстрировал, что верхним пределом является девятое измерение. (Что было нижним пределом, никто не знал.) Когда к про-

цессии присоединялся четвертый корабль, возникал эффект транспонирования, в результате чего третий корабль внезапно оказывался перед первым. В научных журналах это получило название «Неизбежный Сдвиг трансизмерений», но в частных разговорах именовалось гипотезой: «Ты схватил меня за яйца – я хватаюсь за твои».

Внезапно взвыла сирена контрольной панели, и на экране замелькали красные сигнальные огни. Саймон встревожился еще больше. Прямо перед его кораблем маячил космический буджум.

Буджум был схлопнувшейся звездой, чья гравитационная воронка всасывала любой приближающийся к нему объект. Фактически гравитация там была столь велика, что с ее поверхности не мог вырваться даже свет. Однако приборы корабля могли обнаружить возмущения, привносимые им в локальную пространственно-временную структуру.

Буджумы были чем-то вроде люков в канализационной системе трансизмерений. Или прорезью в колесе многомерной рулетки. Все буджумы в этой Вселенной были входами в другие миры, и если корабль затягивало в один из них, он мог навсегда затеряться в лабиринте бесчисленных связей. Или же, если его экипажу везло, то судно могло выбросить назад в эту Вселенную.

Корабль Хунхоров стремительно сокращал расстояние. Медленному грузовому кораблю было трудно уйти от него далеко вперед. Единственным спасением Саймона, нравилось ему это или нет, было добровольно нырнуть в буджум. Он сомневался, что капитан корабля Хунхоров рискнет последовать за ним.

Еще миг, и он нырнул в полную черноту. Никаких звуков не было. Все вокруг как будто замерло. Спустя долгие часы, которые наверняка длились всего несколько минут, – если бы в этом месте существовало время, – ему показалось, что он тает. Пальцы рук и ног удлинялись и одновременно утрачивали былую форму. Его голова свешивалась на одну сторону, поскольку шея вытянулась куда-то далеко-далеко. Она свалилась на бок и продолжала падение. Она пролетела мимо его тела, затем мимо пола и, наконец, провалилась в бездонный космос. Саймон попытался было поднять руку, чтобы схватить ее на лету, но его рука не смогла ничего нащупать на протяжении бесконечных миль.

Кишки изящно выплыли из его тела, и спустя какое-то время обвилились вокруг его головы, которая все еще продолжала падать. Вкус у них был говенный. Анус подпрыгивал на кончике его носа. Печень вклинилась между головой и ухом. Он не знал, какое это ухо, потому что понятия не имел, какая сторона правая, а какая левая, где верх, а где вниз, что находится внутри, а что снаружи.

Он решил, что его голова падает не то влево, не то вправо, он же пытался поймать ее не той рукой. Одна из его рук не желала вытягиваться, поэтому он перенаправил все свои усилия на нее. И схватил нечто похожее на язык Анубиса, длинный, осклизлый орган. Ощупав его по всей длине, он отдернул руку. Либо язык у пса вырос, либо Анубис превратился в сплошной гигантский язык. Саймон тут же пожалел, что пошевелил рукой. Казалось, будто он наощупь пробирается по собачьим кишкам. Что-то коснулось тыльной стороны его ладони, что-то пульсирующее, отчего по его телу пробежала вибрация. «Сердце Анубиса», – подумал Саймон. Он не стал убирать руки, и когда сердце начало выскальзывать, сомкнул вокруг него пальцы. Это был единственный узнаваемый предмет в этой ужасной Вселенной. Саймон был вынужден вцепиться в него, чтобы не сойти с ума. Только собачье сердце спасало его от чувства одиночества, только оно дарило ощущение безопасности. Только оно не меняло форму.

Во всяком случае, так он подумал в самом начале. Увы, в считанные секунды оно выросло в размерах, а его пульсация участилась. Саймону оставалось лишь надеяться, что пес не околет от сердечного приступа.

Внезапно они оказались среди звезд. Саймон чуть не завопил от радости. Они прорвались! Им не придется вечно скитаться, подобно Летучему Голландцу, по черным бесформенным морям буджума.

Саймон поспешно разжал пальцы. Нет, он сжимал вовсе не сердце Анубиса. Это был его пенис.

Извинившись перед псом, Саймон попросил компьютер проверить близлежащие звезды. Тот ответил, что судно находится в неизведанной части Вселенной. Саймону было все равно. Бездомный скиталец не может заблудиться, и для него все галактики хороши.

Саймон велел компьютеру вывести корабль в ближайшую галактику и поискать обитаемую планету. Отдав распоряжение, он пошел в капитанскую каюту и, чтобы успокоить нервы, налил себе щедрую порцию рисового вина. Беда с китайским спиртным заключалась в том, что им было трудно напиться. Через несколько минут после того, как он пропустил первый стакан, Саймон решил, что ему срочно нужен еще один. Неудивительно, что древние китайские поэты писали свои вирши, не просыхая.

Запершись в каюте, Саймон смог расслабиться, немного поиграв на банджо. Корабль шел со скоростью всего в 20X, поэтому доносившийся из машинных отделений гул звучал довольно приглушенно и не действовал на нервы. Но Саймон все равно был вынужден играть за закрытыми дверьми, потому что при звуках банджо Анубис начинал выть, а у совы они вызывали дизентерию. Их реакция уязвляла чувства Саймона, но вышло из этого и кое-что хорошее. По аналогии он задним числом выяснил, почему его концерты всегда удостоивались плохих отзывов. Если животным было муторно от его игры, значит, в каждом музыкальном критике, скорее всего, тоже сидел зверь.

Прошла неделя по корабельному времени. Саймон изучал философию и китайский язык, готовил еду для себя и своих спутников и убирал за псом и совой.

Затем, однажды, в разгар завтрака, взвыла сирена. Саймон бросился в командный пункт и посмотрел на экран панели управления. В переводе с китайского слова на нем сообщали: «Приближается солнечная система с обитаемой планетой».

Саймон приказал кораблю выйти на орбиту вокруг четвертой планеты. Когда компьютер «Хуанхэ» выполнил приказ, Саймон посмотрел в телескоп, который позволял разглядеть на поверхности планеты предметы размером с мышь. На вид планета была очень даже симпатичная: размером с Землю, но без смога, с просторными чистыми океанами и множеством лесов и зеленых, поросших травой равнин. Все это было легко объяснимо. Разумные обитатели планеты находились на примитивной стадии развития и, вероятно, насчитывали менее ста миллионов человек.

Но в первую очередь внимание Саймона привлекла гигантская башня на краю меньшего из двух континентов. Она была около мили в ширину у основания и две мили в высоту. Башня имела форму леденца-сердечка, воткнутого острым концом в землю. Ее оболочка была твердой и гладкой, без единой трещинки. Казалось, будто она отлита из цельного куска металла. Но металл был весь в полосках – белых, черных, желтых, зеленых и синих. Причем полоски эти не были нарисованы, а казались неотъемлемой частью металла.

Массивная и внушительная, башня производила впечатление недавно построенной. Однако она уже дала крен, как будто твердый гранит под ней просел под миллиардами давящих на него тонн. В конце концов, лет этак через миллион башня наверняка рухнет. Она стояла там около миллиарда лет, задолго до того, как люди трансформировались из обезьян или даже из пожирателей насекомых размером с землеройку. Возможно, ее возвели еще до того, как живые формы вылезли из первобытных морей, из теплой и питательной, как моча диабетика, воды.

Саймон кое-что знал о башнях вроде этой, поэтому был крайне рад, увидев эту громадину. Межзвездные путешественники, побывавшие в далеких галактиках, сообщали о том, что

видели подобные башни на каждой из обитаемых планет их звездных систем. Однако на планетах земной галактики таких башен не было. Никто не знал почему, хотя многих это возмущало.

Решив для начала исследовать башню, Саймон направил к ней корабль. «Хуанхэ» сел на плоском участке между двумя полукружиями сердечка, и Саймон и его два путника вышли на прогулку. Увы, та продолжалась недолго. Равнина кишела тысячами галдящих яйцекладущих птиц в черно-белую клетку и была покрыта слоем гуано толщиной около десяти футов. Саймон с трудом пробирался среди птичьего хаоса, то и дело увертываясь от злобных клювов самок, к яйцам которых он порой подходил слишком близко. Саймон внимательным взглядом изучил оба полукружия, что возвышались над ним, словно горы, и не заметил на них ни окон, ни дверей. Они были столь же бесшовными, как и время, столь же непроницаемыми, как вчерашний день.

Впрочем, Саймон не ожидал найти там какие-либо входы. Из шести миллионов башен, замеченных на данный момент земными туристами, все были подобны этой. Обитатели разных планет испробовали все, от сверл с алмазными наконечниками и лазерных лучей до водородных бомб, но не смогли оставить на загадочном металле даже царапины. Внутри сооружения эти были полыми. Если ударить по ним молотком, они гулко гудели, подобно гонгу. На одной из планет даже имелся симфонический оркестр, который играл только на одном инструменте – башне. Музыканты стояли на помостах разной высоты и били по ней молотками. Размер и расположение пустот внутри нее определяли тон извлекаемых нот. Дирижер стоял на помосте высотой в милю на расстоянии полумили от башни и вместо дирижерской палочки размахивал двумя флагами.

Кульминацией музыкальной истории этой планеты стал момент, когда дирижер, Рубо-клиншеп, свалился с помоста. Оркестр, пытаясь следовать за безумными взмахами флагов во время его падения, воспроизвел шесть тактов самой изысканной музыки, которая когда-либо создавалась, хотя некоторые критики довольно пренебрежительно отозвались о трех последних нотах. В искусстве, как и в науке, лучшие результаты порой бывают игрой случая.

Вернувшись на корабль, Саймон столкнулся с непредвиденной ситуацией. Поскольку плоский участок имел крен, корабль соскользнул в самую низкую его точку, где слой гуано образовал ровную горизонтальную поверхность. «Хуанхэ» вряд ли перевернется, успокоил себя Саймон. Увы, он совершенно забыл о его огромном весе. Корабль погрузился в мягкое гуано, так что теперь люки этого борта скрывал слой птичьего дерьма толщиной в двадцать футов, а люки другого борта находились слишком высоко, чтобы до них можно было дотянуться. Саймону ничего не оставалось, кроме как разгрести пахучий слой голыми руками. Анубис не стал помогать ему, так как не зарывал там запас костей. Саймон опустился на четвереньки и принялся копать. Два часа спустя, грязный, потный и исполненный возмущения, он подобрался к борту и свалился в люк. Потребовалось еще полчаса, чтобы очистить вход, и еще полчаса, чтобы привести в порядок себя и пса с совой.

Впрочем, обычное благодушие скоро снова вернулось к нему. Саймон сказал себе, что глупо сердиться из-за такой мелочи. В конце концов, мужчина должен всегда быть готов вымывать руки в грязи, когда берется раскапывать фундаментальные проблемы.

Примеч. 1. Буджум Траута имеет поразительное сходство с «черной дырой», как ее представляют себе современные астрономы. Траут интуитивно предвосхитил эту концепцию за пять лет до того, как она впервые была изложена в научных журналах. (*Примеч. ред.*).

6. Шалтун, планета с равным временем

Саймон приказал корабельному компьютеру посадить «Хуанхэ» на обширное поле рядом с самым большим зданием города. Поскольку этот город был самым многолюдным на всей планете, ему было суждено стать столицей самого важного государства. Само здание было шестиэтажным, построенным из белого камня с фиолетовыми и красными прожилками. С высоты оно напоминало трилистник с длинным стеблем. Его окна были треугольными, а двери – овальными.

Крыши здания раскинулись в форме хлебного карава, а по периметру здания располагалось множество крылец с двумя рядами колонн, но без крыш. Те колонны, что стояли на краю крыльца, имели форму перевернутой буквы V. Остальные располагались позади треугольников и вырастали из пола под углом в сорок пять градусов так, чтобы их концы торчали наружу сквозь треугольники.

Наклонные колонны имели цилиндрическую форму, за исключением их концов, торчащих из треугольников. Эти заканчивались круглыми шарами, из которых били струи молочно-белой жидкости. У основания каждой колонны было по два камня, по форме похожие на грецкие орехи, чью поверхность покрывали сделанные крест-накрест надрезы.

Существа, выходявшие из здания, в целом были похожи на людей, за исключением того, что у них были острые уши, желтые глаза с кошачьими зрачками и острые длинные зубы. Саймона это не удивило. Все гуманоидные расы, до сих пор встречавшиеся ему, произошли либо от обезьян, либо от кошек, собак, медведей или мелких грызунов. На Земле эволюционную гонку выиграли обезьяны.

На других планетах у предков кошек, собак, медведей, бобров или кроликов когти на лапах превратились в пальцы, и они существенно опередили в развитии обезьян. На некоторых планетах в людей одновременно эволюционировали и обезьяны, и другие биологические виды и теперь жили, да поживали с ними на равных. Или же один вид истребил соперника. На этой планете, судя по всему, победили кошки. Если где-то там и были обезьяноподобные люди, они, видимо, спрятались глубоко в лесной чаще.

Сидя внутри «Хуанхэ», Саймон наблюдал за ними на экране. Когда вокруг корабля, нацелив на него свои копья и луки со стрелами, собрались инопланетные солдаты, он вышел наружу. Он поднял руки вверх, демонстрируя свое миролюбие. Он не улыбался – на некоторых планетах обнажающая зубы улыбка считалась знаком враждебности.

– Я Саймон Вагстафф, человек без планеты, – объявил он.

Спустя пару недель Саймон выучил ряд полезных фраз, чтобы общаться с аборигенами. Часть подозрений обитателей Шалтуна ему удалось развеять. Похоже, они опасались его потому, что он был далеко не первым гостем с Земли, высадившимся на их планете.

Пару сотен лет назад их посетил некий добродушного вида балагур по имени П. Т. Тауб. Не успели шалтуниане сообразить, что происходит, как он одурачил их, выманив у них не только королевские регалии, но и принцессу, которая только что выиграла конкурс красоты Мисс Шалтун.

Саймону стоило немалых трудов убедить их, что он не мошенник. Нет, ему от них кое-что нужно, повторял он раз за разом, но это нечто не было материальным. Во-первых, известно ли им что-нибудь про строителей накренившейся башни в форме сердца?

Существа, которым было поручено сопровождать Саймона, сказали ему, что им известно лишь то, что строителей башен в этой галактике называли Клерун-Гоффами. Никто не знал почему, но кто-то где-то когда-то наверняка встречал их. В противном случае, откуда взялось это общепринятое название? Что касается башни, то она была здесь, пустая и медленно дающая

крен с тех пор, как у шалтуниан появился свой язык. Несомненно, она стоит здесь очень и очень давно.

У шалтуниан бытовало поверье, что, когда башня упадет, наступит конец света.

Саймон был открыт всему новому и отличался общительностью. Он любил людей и знал, как ладить с ними. Пребывая в обществе одного человека или на многолюдной вечеринке, он чувствовал себя в своей тарелке и умел расположить к себе окружающих. Но общение с шалтунианами давалось ему с трудом. Было с ними что-то не так, но что именно, он не мог сказать. Сначала он решил, что возможно это потому, что они произошли от кошек. В конце концов, будучи гуманоидами, в целом они оставались кошками так же, как земляне были по сути своей обезьянами. Впрочем, ему доводилось встречать на Земле инопланетян-кошек, и он всегда находил с ними общий язык. Более того, он предпочитал кошек собакам. Покидая Землю, он взял с собой пса лишь потому, что обстоятельства были ему неподвластны.

Скорее всего, решил он, дело было в сильном мускусном запахе, который висел над городом, перебивая крепкий запах фекалий. Запах этот исходил от каждого взрослого шалтунианина, который ему встречался, а благоухали они, совсем как кошка в период течки. Спустя некоторое время он понял почему. У шалтуниан период спаривания продолжался круглый год. Основной темой их разговоров был секс, но даже на эту тему они не могли говорить долго. Примерно через полчаса они начинали суетиться, а потом извинялись и спешили прочь. Если Саймон не ленился проследить за ними, он видел, как они входят в дом, где его или ее встречал представитель противоположного пола. Дверь закрывалась, и через несколько минут из дома доносился дикий ор.

В результате у него не складывалось продолжительного общения с сопровождающими, которые были приставлены присматривать за ним. Они, как правило, быстро исчезали, а их место занимали другие.

Более того, когда на следующий день сопровождающие появлялись снова, они вели себя крайне странно. Они совершенно не помнили, о чем они его спрашивали, или что рассказывали ему накануне. Сначала он приписал это их короткой памяти. Возможно, именно это и стало причиной того, что шалтуниане остановились в своем развитии на стадии примитивного земледельческого общества.

Саймон, хотя и отличался словоохотливостью, также был и старательным слушателем. Как только он достаточно хорошо усвоил здешний язык, он научился улавливать различие интонаций у своих сопровождающих. Та варьировалась не только у отдельных говорящих, чего и следовало ожидать, но и у одного и того же индивида изо дня в день.

В конце концов, Саймон решил, что его смущает вовсе не то, что шалтуниане были, с его точки зрения, чрезмерно сексуально озабоченными. Это не вызывало в нем морального отвращения. В конце концов, не стоит ожидать от инопланетян, что те будут похожи на землян. Более того, в душе он даже завидовал им. Эволюция жестоко обманула землян. Ну почему *Nomo sariens* не унаследовал похотливость бабуина? Почему общество сформировалось таким образом, что оно начало подавлять похоть?

Неужели потому, что эволюция диктовала человечеству необходимость технического прогресса? Неужели, чтобы добиться этого, она перенаправила большую часть сексуальной энергии человека в мозг, где тот использовал эту энергию для создания инструментов и новых религий, а также способов зарабатывания денег и достижения более высокого статуса?

Главной целью жизни землян было залезть на вершину кучи, тогда как шалтуниане старались как можно чаще залезать друг на друга. Поначалу Саймону это показалось неплохой идеей. Одним из главных недостатков человеческого общества состоял в том, что по-настоящему интимный контакт бывал лишь у считанных единиц. Раса, которая проводила так много времени в постели, полагалось быть полной любви. Но на этой планете все сложилось не так. В языке местных жителей не было даже слова «любовь». Да, у них имелось немало терминов для

обозначения различных сексуальных позиций, но все они были чисто техническими. Общего же термина, эквивалентного земной «любви», в их лексиконе не было.

Нельзя сказать, что это в значительной степени отличало поведение шалтунниан от поведения обитателей Земли. У них, похоже, было не меньше разводов, конфликтов, драк и убийств, чем у землян. С другой стороны, у шалтунниан было гораздо меньше самоубийств. Вместо того чтобы впадать в депрессию, они уходили из дома и трахались.

Саймон задумался об этом. И пришел к выводу, что, наверно, общество шалтунниан устроено лучше, нежели земное. И дело вовсе не в некоем интеллектуальном превосходстве шалтунниан. Это был вопрос избытка гормонов. Мать-природа, а не мозги, вот кто там правил бал. Эта мысль повергла его в уныние, но он не стал искать женскую особь, чтобы поднять настроение.

Он ушел в свою каюту и играл на банджо до тех пор, пока ему не полегчало. Тогда он задумался о смысле этого и вновь захандрил. Что, если он направлял свой сексуальный драйв туда, где тому вовсе не место? Что, если, играя на банджо, он трахался сам с собой, вместо того чтобы взаимодействовать с другим существом? Что, если слетавшие со струн ноты – это некая извращенная форма спермы? Не получал ли он высшее наслаждение, пощипывая струны, а не от настоящего траха?

Саймон убрал с глаз долой банджо – с каждой минутой оно все больше напоминало ему съемный фаллос. Он вышел из корабля, полный решимости задействовать свой несъемный, дарованный природой «инструмент». Через десять минут он вернулся на корабль. Единственное доступное ему облегчение состояло в том, чтобы держаться от шалтунниан как можно дальше. Проходя мимо бочки с дождевой водой, он случайно заглянул в нее.

Там, на дне, лежал новорожденный младенец. Саймон огляделся по сторонам, в надежде найти полицейского и сообщить ему о находке, но нигде не увидел блюстителей закона. Внезапно до него дошло, что он ни разу не видел на Шалтуне ни одного полицейского. Тогда он остановил прохожего и попытался спросить у него, где находится ближайший полицейский участок.

Увы, он не смог этого сделать, так как не знал, как будет по-шалтунниански «полиция». Тогда он отвел прохожего к бочке и показал ему, что в ней лежит. Прохожий безучастно пожал плечами и зашагал прочь. Саймон начал ходить кругами, пока не увидел одну из своих официальных сопровождающих. Та была поражена, увидев его одного, и спросила, почему он покинул корабль, не уведомив об этом власти.

Саймон ответил, что это неважно. Важно то, что он наткнулся на случай детоубийства. Она, похоже, не поняла, что он имел в виду. Тогда он повел ее за собой и велел заглянуть в бочку. Выполнив его просьбу, она подняла глаза и посмотрела на него со странным выражением. Поняв, что что-то не так, Саймон вновь заглянул в бочку. Трупик исчез.

– Но я клянусь, что он здесь был всего пять минут назад! – сказал он.

– Разумеется, – хладнокровно сказала шалтуннианка. – Но «бочары» его забрали.

До Саймона не сразу дошло: в том, что предстало его взору, не было ничего необычного. Более того, бочки, которые здесь стояли на каждом углу и под каждым водостоком, редко использовались для сбора пресной воды. Их главное назначение состояло в том, чтобы топить в них младенцев.

– Разве у вас на Земле так не делают? – удивилась его собеседница.

– Убийство младенцев считается преступлением.

– А как же вы боретесь с неконтролируемым ростом населения? – спросила она.

– Никак, – ответил Саймон.

– Ох, какое варварство!

Саймон переборол свое возмущение, когда шалтуннианка объяснила ему, что средняя продолжительность жизни на Шалтуне составляет десять тысяч лет. Это стало возможным благодаря эликсиру, изобретенному около двухсот тысяч лет назад. Шалтунниане не блистали

знаниями механики, техники или физики, зато были великими ботаниками. Эликсир был изготовлен из соков нескольких растений. Побочным эффектом этого эликсира было то, что шалтуниане редко болели.

– Надеюсь, теперь вам понятно, что нам необходимы средства для сдерживания роста населения, – сказала она. – Иначе через тысячу лет или даже раньше мы все будем стоять друг у друга на головах.

– Как насчет контрацептивов?

– Это противоречит нашим обычаям, – последовал ответ. – Они мешают получать удовольствие от секса. Кроме того, каждый должен иметь возможность родиться.

Саймон попросил ее разъяснить это, на первый взгляд, противоречивое заявление. На что она ответила, что у неродившегося ребенка нет души. Но младенец, который появился на свет, в момент рождения обретал душу. Даже если через несколько секунд он умирал, то все равно попадал на небеса. Более того, оно даже к лучшему, что он умирал, потому что в таком случае избавлялся от мук, страданий и скорбей жизни. Убить младенца – значит его облагодетельствовать.

Однако чтобы население не уменьшалось, один ребенок из ста должен выжить. Шалтуниане отказывались устанавливать строгий порядок, предпочитая полагаться на случай, который определял, кто будет жить, а кто нет. Поэтому каждая женская особь, забеременев, отправлялась в Храм Шалтун и садилась за стол рулетки. Там она выбирала номер, и если ее шарик попал в ячейку со счастливым числом, она получала возможность сохранить ребенка. Святые крупье давали ей карточку со счастливым номером, которую она носила на шее, пока ребенку не исполнялся год.

– Колесо отрегулировано так, чтобы шансы были сто к одному, – пояснила Саймону его собеседница. – Обычно выигрывает казино. Но когда побеждает женщина, объявляется всенародный праздник, и она на один день становится королевой. Приятного в этом мало, так как большую часть своего счастливого дня она принимает парад.

– Спасибо за информацию, – сказал Саймон. – Я возвращаюсь на корабль. До скорого, Губнац.

– Я не Губнац, – сказала она. – Я Даннерникель.

Саймон был так потрясен, что не спросил ее, что она имела в виду. Не иначе как ему на тот момент отшибло память. Однако на следующий день он извинился перед ней.

– Ты снова ошибся, – сказала она. – Меня зовут Пуссилу.

Обычно все инопланетяне одной и той же расы казались землянам одинаковыми. Но Саймон пробыл здесь довольно долго и легко отличал одного от другого.

– У вас, шалтуниан, на каждый день разное имя, так что ли?

– Нет, – сказала она. – Меня всегда зовут Пуссилу. Но вчера ты говорил с Даннерникель, а за день до этого с Губнац. Завтра это будет Квимкват.

Именно эта необъяснимая вещь и вызвала у него беспокойство. Саймон попросил свою спутницу растолковать ему ее суть, и они отправились в соседнюю таверну. Напитки были за счет заведения, так как Саймон здесь подрабатывал, играя на банджо. Шалтуниане каждую ночь толпами приходили туда послушать его выступление. Его игра доставляла им огромное удовольствие, хотя и не была похожа на их родную музыку. По крайней мере, так они утверждали. Ведущий музыкальный критик планеты написал серию статей о гении Саймона. По его мнению, землянин извлекал из своего инструмента поразительную глубину и правду, и ни один шалтунианин не мог бы сравниться с ним. Саймон не более шалтуниан понимал, что хотел сказать этим критик, и все равно похвала была ему приятна. Впервые в жизни он удостоился доброго слова в свой адрес.

Они заказали пару кружек пива, и Пуссилу пустилась в объяснения. Она заявила, что счастлива за полчаса рассказать ему все, что знает, но будет вынуждена говорить очень быстро,

чтобы уложить все подробности в короткое время. Ровно через тридцать минут она уйдет. Саймон ей нравился, хотя и был не в ее вкусе. Кроме того, у нее было назначено свидание с мужчиной, с которым она встречалась в обеденный перерыв. После того, как Саймон услышал ее объяснение, он понял, почему она так торопится.

– Разве у вас, землян, не существует ротации предков? – спросила Пуссилу.

Саймон поперхнулся от растерянности, опрокинул свое пиво и был вынужден заказать еще один бокал.

– Что это, черт возьми? – спросил он.

– Это биологический, а не сверхъестественный феномен, – ответила она. – Полагаю, у вас, бедных и несчастных землян, этого нет. Но в теле каждого шалтуннианина имеются клетки, несущие память о конкретном предке. Самые ранние предки находятся в анальной ткани. Самые недавние – в мозговой.

– Ты хочешь сказать, что каждый индивид носит с собой память о своих пращурах? – удивился Саймон.

– Да, именно так я и сказала.

– Но не кажется ли тебе, что со временем у человека просто не будет в теле достаточно места для всех предков? – сказал Саймон. – Подумай сама. С каждым новым поколением число предком удваивается, вам скоро не хватит места для их хранения. У тебя есть два родителя, у каждого из них было по два родителя, и у каждого из тех – тоже по два. И так далее. Всего пять поколений, и у тебя шестнадцать прапрапрадедов и прапрапрабабок. И так далее.

– И так далее, – согласилась Пуссилу. Она посмотрела на часы, висевшие на стене таверны. Ее соски моментально набухли, а резкий запах спаривания стал еще ядренее. Фактически, вся таверна провоняла им. Саймон не чувствовал вкуса своего пива.

– Не забывай, если вернуться на тридцать поколений назад, то у всех, ныне живущих, будет много общих предков. Иначе вся планета в наше время была бы просто забита людьми. Их было бы как мух на навозной куче. Но есть еще один фактор, который сокращает количество предков. Клетки тех из них, что были сильными, яркими личностями, выделяют химические вещества, которые растворяют более слабых.

– Ты хочешь сказать, что даже на клеточном уровне, как и в природе, выживает сильнейший? – удивился Саймон. – Что всем правит эгоизм?

Пуссилу почесала зудящую промежность.

– Так оно и есть. С этим никогда не было бы никаких проблем, если бы этим все и ограничивалось. Но в старые времена, около двадцати тысяч лет назад, предки начали борьбу за свои гражданские права. Они заявили, что несправедливо запирают их в крошечных клетках лишь с их собственными воспоминаниями. Мол, они имеют право выбраться из своих клеточных гетто и пользоваться всеми благами плоти, в состав которой они входят, но не могут участвовать.

После долгой борьбы они добились уступок, получив право на равное время. Вот как это работает. Человек появляется на свет, и до достижения половой зрелости его тело принадлежит лишь ему одному. В течение этого времени предок говорит только тогда, когда к нему обращаются.

– И как вы это делаете? – уточнил Саймон.

– Это ментальный феномен, детали которого ученые еще не выяснили до конца, – ответила Пуссилу. – Некоторые утверждают, что у нас имеется нейронная цепочка, которую мы можем включать и выключать силой мысли.

Беда в том, что предки тоже могут ее включать. Раньше они сильно досаждали бедолагам, в телах которых обитали, но теперь они могут открыть любой канал лишь по просьбе своих «хозяев».

В любом случае, по достижении половой зрелости, каждый человек должен дать каждому предку – ему или ей – один день в полное распоряжение. Такой предок полностью овладевает телом и сознанием носителя. Сам носитель по-прежнему получает один день в неделю для самого себя. Тогда вперед выходит он сам. Впрочем, по этому поводу по-прежнему немало брюзжания. Когда раунд завершен, цикл начинается снова.

Из-за большого количества предков никому из шалтунниан не хватило бы жизни для завершения одного цикла, если бы не эликсир. Но он замедляет старение, так что средняя продолжительность жизни у нас составляет около десяти тысяч лет.

– Что на самом деле двадцать тысяч лет, так как год на Шалтуне вдвое длиннее нашего, – заметил Саймон.

Он был так ошеломлен, что даже не заметил, когда Пуссилу выскочила из кабинки и, корчась от похоти, выбежала из заведения.

7. Королева Маргарет

Космический Странник уже подумывал о том, чтобы отправиться дальше. На Шалтуне для него не осталось ничего интересного. У шалтуниан не было даже слова для такой вещи, как философия, не говоря уже об онтологии, эпистемологии и космологии. Все их интересы состояли в другом. Он мог понять, почему они думали только о приземленном и мирском, а точнее о еде, питье и спаривании. Увы, понимание этого не вызывало у него желания участвовать в подобных делах. Он жаждал куда более глубоких ответов.

Однако, узнав о ротации предков, он решил задержаться здесь чуть дольше. Ему было любопытно, каким образом это уникальное явление сформировало странную и сложную структуру здешнего общества. Кроме того, если быть честным, у его нежелания улетать с Шалтуна имелась эгоистичная причина. Ему нравилось быть знаменитостью. Кто знает, как к нему отнесутся на следующей планете? Вдруг вместо всеобщего обожания он станет объектом критики?

С другой стороны, его питомцы заскучили. Они отказывались выходить из корабля, хотя и страдали от каютной лихорадки. Запах шалтуниан доводил Анубиса до иступления, а Афины повергал в состояние шока. Когда у Саймона бывали гости, и пес, и сова прятались в камбузе. По завершении вечеринки, Саймон пытался сыграть с ними, чтобы поднять их настроение, но они не реагировали. Их большие глупые глаза умоляли его взлететь, навсегда оставить эту провонявшую кошками планету. Саймон попросил их потерпеть еще недельку. Искатели знания должны уметь сносить определенные неудобства. Животные не поняли его слов, но отлично поняли его тон. Они застряли здесь, пока их хозяин не решит вытащить их отсюда. Того, где бы им самим хотелось застрять, Саймон так и не узнал. Наверное, оно даже к лучшему, что звери не могут говорить.

Первое, что Саймон выяснил в своих исследованиях, это то, что ротация предков препятствовала изменениям. Это было не только неизбежно, но и необходимо. Общество должно функционировать изо дня в день, выращивать, собирать и перевозить урожай, заниматься государственными делами, школами, больницами, судами, торговлей и так далее. Чтобы это было возможно, семья на протяжении поколений занималась одним и тем же ремеслом или профессией. Если ваш праотец, живший тысячу поколений назад, копал каналы, значит, вы тоже их копали. Это помогало избежать путаницы, которая наверняка бы возникла, если бы кузнеца в один прекрасный день сменил судья, а того на следующий день – мусорщик.

Главная проблема в управлении таким обществом состояла в том, что в отпущенный ему день каждый предок стремился жить в свое удовольствие. Естественно, он/она не желали тратить время на работу, предпочитая есть, пить и спариваться. Но все понимали, что если он/она потворствует своим желаниям, общество развалится, и в скором времени все жители планеты умрут от голода. Поэтому каждый, пусть и с неохотой, отработывал восьмичасовой рабочий день, после чего предавался оргии. Так поступали почти все.

Но кто-то же должен был заботиться о детях, а кто-то – до конца дня трудиться на фермах.

Единственный способ решить эту проблему – поручить заботу о детях, и вспашку, и хозяйственные работы на фермах рабам. На Шалтуне раб всегда оставался рабом, таков был закон. Но как заставить предка-раба гнуть спину от зари до зари в его единственный за пятьсот лет *день свободы*? Во-первых, кто будет контролировать его? Ни один свободный гражданин не горел желанием тратить свое драгоценное время, надзирая за илотами. Раб же, оставшись без присмотра, наверняка будет бездельничать.

Как наказать раба, если тот пренебрег своими обязанностями, чтобы понаслаждаться жизнью? Если его повесить, тем самым вы убьете тысячи невинных людей. А также уменьшите количество рабов, которых и без того не хватало. Высечь его – наказать невинных. На следующий день после порки виновный мужчина/женщина удалится в свою клетку и отключит

боль. Страдать за него будет тот, чья очередь была следующей. Он возмутится тем, что наказан за нечто такое, чего он не делал, и его моральный дух падет ниже собачьего дерьма.

Власти понимали, чем чревата такая ситуация. Если достаточное число рабов возмутятся и восстанут, они могут легко захватить власть, пока их хозяева валяются пьяными посреди полуночной оргии. Единственный способ предотвратить такое развитие событий – удвоить количество рабов. Таким образом, во вторую смену раб трудился всего четыре часа, после чего мог уйти и предаваться удовольствиям, а его работу заканчивал другой раб. Но у этой схемы были и свои недостатки. Раб, который работал последние четыре часа, до этого все свое свободное время трахался, и пьянствовал, и поэтому был не в состоянии эффективно работать. Увы, с этим приходилось мириться.

Единственным источником дополнительных рабов были свободные граждане. Поэтому власти приняли драконовский закон, согласно которому человека можно поработить, если он плюнул на тротуар или слишком долго держал свою бричку на общественной стоянке. Разумеется, протесты и беспорядки не заставили себя ждать. Более того, правительство очень на них надеялось. Мятежников арестовали и превратили в рабов. Приговор был ретроактивным; все их предки также стали рабами.

Поговорив с несколькими рабами, Саймон убедился в том, что его подозрения попали точно в цель. Почти все новые рабы происходили из бедноты. Те немногие, что происходили из высшего класса, были либералами. Почему-то полицейские в упор не замечали, как на тротуар плюнули банкир, судья или бизнесмен.

Узнав об этом, Саймон стал опасаться. Было слишком много законов, о которых он не знал. Стоит ему забыть встать по ветру, прежде чем испортить воздух в присутствии полицейского, как его обратят в раба. Однако его заверили, что местные законы на него не распространяются.

– При условии, что вы улетите в течение двух ближайших недель, – сказал его осведомитель. – Нам не хотелось бы видеть вас рабом. У вас слишком много странных идей. Если вы останетесь дольше, вы можете заразить ими слишком многих.

Саймон воздержался от комментариев. Сравнение новых идей со смертельно опасными болезнями не было для него в новинку.

Один из любимых авторов Саймона, писатель-фантаст по имени Джонатан Свифт Сомерс-Третий, однажды посвятил этой параллели между болезнями и идеями целый рассказ, озаглавленный «Карантин!». В нем землянин приземляется на неизведанной планете. Он одержим желанием изучить инопланетян, но те не выпускают его из космического корабля, пока он не пройдет медосмотр. Сначала он подумал, что они опасаются, что он привез с собой микробы, против которых у них нет средств борьбы. После того, как он выучил их язык, он узнал, что это не так. У инопланетян давно уже имелась панацея от болезней плоти. Их страшило другое – то, что он, вторгшись в их общество, возможно, разрушил его крамольными мыслями.

Представители портовой администрации, отгородившись от его мыслей свинцовыми щитами, в течение двух недель с пристрастием допрашивали землянина. Он обильно потел, отвечая на их вопросы, так как единственный известный им метод профилактики болезней, эффективный на сто процентов, заключался в том, чтобы убить больного. Затем тело сжигалось, а его прах захоранивали в полночь в безымянной могиле.

– Теперь ты волен свободно гулять среди наших людей, – с улыбкой произнес главный чиновник после двух недель допросов.

– Вы хотите сказать, что я совершенно здоров? – удивился землянин.

– Можешь не волноваться, – ответил чиновник. – Мы проверили каждую твою мысль. И не нашли ни одной, которая не приходила бы нам в голову десять тысяч лет назад. Ты, должно быть, прибыл сюда из очень примитивного мира.

Джонатан Свифт Сомерс-Третий, как и большинство великих американских писателей, родился на Среднем Западе. Его отец мечтал о славе поэта, но его незаконченная поэма увидела свет лишь через много лет после его смерти. Саймон однажды совершил паломничество в Петербург, штат Иллинойс, где похоронили его кумира. Гранитный памятник был сделан в виде инвалидной коляски с крыльями. Эпитафия на нем гласила:

ДЖОНАТАН СВИФТ СОМЕРС-ТРЕТИЙ

1910–1982

Он не нуждался в ногах.

С десятилетнего возраста Сомерс был парализован ниже пояса. В те дни еще не существовало вакцины против полиомиелита. Сомерс никогда не покидал кресло-коляску или родного города, но его разум странствовал по всей вселенной. Он написал сорок романов и две сотни рассказов, в основном о приключениях в космосе. Когда он только начал писать, то описывал подвиги землян на Луне и Марсе. Когда на них высадились космонавты, он перенес место действия на Юпитер. После Юпитерианской экспедиции он начал писать об астронавтах, путешествовавших в глубинах космоса. Он считал, что при его жизни люди не покинут пределов Солнечной системы, и оказался прав.

Фактически, не имело значения, высаживались ли космонавты на планетах описанных им миров. Его книги о Луне и Марсе по-прежнему пользовались у читателей популярностью – даже после того, как полеты туда стали обыденным делом. Не имело никакого значения то, что Сомерс на сто процентов ошибался по поводу этих планет. Его книги были полны поэзии и драматизма. Люди, которых он изображал, были куда более реальны, чем те, что действительно летали туда. По крайней мере, они были интереснее.

Сомерс принадлежал к той же писательской школе, что и великий французский романист Бальзак. Последний утверждал, что ему легче описывать место, о котором он ничего не знает. Всякий раз, попадая в город, который он описывал в своей книге, Бальзак бывал разочарован.

Рядом с могилой Сомерса была могила его отца.

ДЖОНАТАН СВИФТ СОМЕРС-ВТОРОЙ

1877–1912

Я пытался парить на крыльях поэзии.

Не издав ни строчки, не сделался нытиком.

И пускай не дано мне пробиться в гении,

Зато избежал я презрения критиков.

А вот его сыну рецензенты изрядно попортили кровь. Сомерс был признан великим писателем, лишь дожив до весьма преклонных лет. Получая Нобелевскую премию по литературе, он заявил: «Это не заживит ран». Он знал: критики никогда не признают своей неправоты. Травля продолжится.

Саймон был обеспокоен тем, что он тоже может расстроить шалтунуиан. Нет, он не вкладывал им в уши никаких новых идей. Все, что он делал, это задавал вопросы. Одна беда, вопросы частенько бывают опаснее, чем пропаганда. Они порождают новые мысли.

С другой стороны, вряд ли ему удастся заронить в умы шалтунуиан искорку новизны. По большому счету, взрослые особи присутствовали в этом мире не более одного дня. Молодежь же была слишком занята играми и подготовкой к тому времени, когда они перестанут быть полноправными хозяевами собственных тел.

Ближе к концу своего пребывания на Шалтуне, одним прекрасным солнечным утром, Саймон покинул корабль, чтобы посетить Храм Шалтун, намереваясь посвятить день изучению тамошних обрядов. Шалтун была главным божеством планеты, ее ближайшим земным эквивалентом являлась Венера или Афродита. Он шагал по улицам, которые показались ему подозрительно пустыми. Он уже начал ломать голову над тем, что происходит, когда внезапно

раздался дикий крик. Он побежал к дому, откуда тот доносился, и распахнул дверь. В прихожей дрались мужчина и женщина. У Саймона было правило никогда не вмешиваться в семейные ссоры. Замечательное правило, которому, однако, истинно гуманная личность была не в силах следовать. Еще минута, и одна или обе истекающие кровью и покрытые синяками стороны падут замертво. Саймон встал между ними, однако тотчас отскочил назад и кинулся наутек. Как и следовало ожидать, противники обратили свою ярость против него.

Поскольку они бросились за ним вдогонку, он тут же дал стрекача. Он, только пятки сверкали, летел по улице, и из домов, мимо которых он пробежал, слышались истошные вопли. Завернув за угол, он на бегу врезался в беснующуюся толпу. Казалось, каждый в ней был одержим желанием убить кого-нибудь в пределах досягаемости их кулаков, ножей, копий, мечей и топоров. Кое-как выбравшись наружу, Саймон, пошатываясь, вернулся на корабль, где его радостно встретил скулящий Анубис, и, заdraив за собой люк, прополз в лазарет, где перевязал свои многочисленные раны.

На следующий день Саймон отважился выйти наружу. Увидев город, он содрогнулся. Улицы были усеяны трупами и телами раненых. Пожарные все еще тушили пожары, которые начались накануне. Однако все вели себя мирно, поэтому он остановил прохожего и спросил его о вчерашней бойне.

– Это был День Большого Траха, болван, – ответил прохожий и зашагал дальше.

Впрочем, Саймона не слишком задела его грубость. Редко кто из туземцев бывал трезвым в хорошем настроении. А все потому, что тело носителя постоянно подвергалось насилию со стороны предков. Каждый из них норовил за отпущенное им время оттянуться по полной программе. В результате первое, что испытывал предок, когда наступала его очередь, это жуткое похмелье. Длилось оно весь день, отчего он чувствовал себя разбитым и раздражительным, пока ему не подворачивался шанс залить свои страдания спиртным.

Время от времени тело падало без чувств, и тогда пьяные сотрудники скорой помощи увозили его в больницу, где передавали на попечение подвыпивших медсестер и врачей. Бедняга, владевший в тот день телом, годился лишь на то, чтобы лежать в постели, стонать и ругаться. Мысль о том, что он бездарно тратит драгоценнейший день на выздоровление от чужого веселья, лишь усугубляла его страдания.

Так что Космический Странник не удивился грубости прохожего. Он пошел дальше и вскоре встретил сильно перебинтованную, но необычайно любезную женщину.

– Если вернуться на несколько тысяч лет назад, окажется, что у всех одни и те же предки, – сказала она. – Поэтому каждую тысячу лет или около того наступает день, когда один конкретный предок вступает во владение сразу несколькими носителями. Обычно их число невелико, и мы можем легко справиться с этими совпадениями. Но однажды, около пяти тысяч лет назад, Трах, весьма одиозная фигура, родившийся еще в каменном веке, вступил во владение одновременно более чем половиной населения. Поскольку это была личность крайне авторитарная, и жестокая, и, главное, ненавидевшая самого себя, то первый День Траха закончился тем, что четверть людей в мире перебили друг друга.

– А как насчет вчерашнего Дня Траха? – поинтересовался Саймон.

– Треть. На сегодня это рекорд! Почти половина населения получили травмы.

– С точки зрения будущего у этого есть и положительная сторона, – сказал Саймон. – Вы можете оставить большее число детей в живых, если вам нужно восстановить численность населения.

– Самая сладкая кошачья мята растет за уборной, – сказала его собеседница. Это был эквивалент земной поговорки: «Нет худа без добра» или «Даже дурной ветер приносит с собой что-то хорошее».

Саймон решил прервать свой визит. Он улетит уже завтра. Но в тот вечер, листая «Шалтун таймс», он прочел, что через четыре дня во владение телом королевы вступит мудрейшая

из женщин. Узнав об этом, Саймон разволновался. Если кто-то и мог сказать ему правду, так только она. При ротации ей полагалось большее число вселений, чем у других, и в ней величайший интеллект соединялся с самым большим жизненным опытом.

Причиной же, почему все знали, что хозяйкой тела станет королева Маргарет, был график ротации. Такой график был разработан для каждого половозрелого шалтуннианина. Обычно график вывешивали на стене в уборной, чтобы его можно было изучать, когда больше нечем заняться.

Саймон послал прошение об аудиенции. В иных обстоятельствах ему пришлось бы ждать ответа полгода. Но как единственный инопланетянин на Шалтуне, к тому же снискавший себе славу игрой на банджо, он получил ответ в тот же день. Королева будет рада отобедать с ним. Строгий костюм обязателен.

Нарядившись в парадную форму капитана «Хуанхэ», темно-синий китель, украшенный огромными эполетами, золотой тесьмой, большими медными пуговицами и двадцатью медалями за образцовую службу, Саймон появился у главной двери дворца. Его приветствовал лорд-хранитель королевской кладовой. В сопровождении шестерых гвардейцев он зашагал великолепными мраморными коридорами, до отказа набитыми предметами искусства. В иных обстоятельствах Саймон наверняка бы замедлил шаг, чтобы ближе рассмотреть их. Большая их часть состояла из фаллических шуток.

Его провели в дверь, с обеих сторон которой застыли на вытяжку по охраннику. Когда Саймон проходил мимо, они поднесли к губам длинные серебряные трубы и задудели в них. Саймон оценил оказанную ему честь, хотя потом еще целую минуту оставался глухим. Когда он остановился в небольшой, но пышно убранной комнате перед большим столом из полированного темного дерева, у него все еще кружилась голова. Кстати, на столе стояли две тарелки и два бокала с вином в окружении целого полчища исходящих паром блюд. За столом сидела женщина, от чьей красоты в его жилах забурлил адреналин, даже если красота эта и не была строго человеческой. Честно говоря, Саймон настолько привык к заостренным ушам, узким зрачкам и острым зубам, что его собственное лицо слегка пугало его, когда он брился.

Саймон не слышал, как его представили ей, потому что слух еще не вернулся к нему. Как только губы чиновника перестали двигаться, он поклонился королеве и по ее знаку сел за стол напротив нее. Ужин прошел довольно приятно. Они поговорили о погоде – эта тема была его палочкой-выручалочкой на любой планете. Затем обсудили ужасы Дня Траха. По мере продолжения ужина Саймон пьянел все сильнее. Протокол требовал пропускать бокал вина каждый раз, когда так поступала королева, ее же, похоже, мучила жажда. Саймон сочувствовал прелестной даме. С тех пор, как она пила в последний раз, прошло триста лет.

По ее просьбе Саймон рассказал ей историю своей жизни. Королева пришла в ужас, и в то же время лучилась самодовольством.

– Наша религия утверждает, что звезды, планеты и луны – это живые существа, – сообщила она. – Они единственные формы жизни, в значительной мере большие и сложные, чтобы представлять интерес для Творительницы. Биологическая жизнь – лишь случайный побочный продукт. В некотором смысле, она – заболевание, поражающее планеты. Растения и животные – это терпимые формы заболевания, как, например, прыщи или грибок на ноге.

Но когда появляется разумная жизнь, существа с самосознанием становятся подобны смертоносным микробам. Правда, нам, шалтуннианам, хватает мудрости это понять. Поэтому, вместо того чтобы быть паразитами, мы становимся симбиотами. Мы живем с земли, но мы делаем все для того, чтобы не навредить ей. Вот почему мы остались на стадии аграрного общества.

Мы выращиваем зерно и овощи, но удобряем почву навозом. И каждое дерево, которое срубаем, мы заменяем новым.

Земляне же, похоже, были паразитами, и ваша планета захворала. Сколь ни прискорбно об этом говорить, хорошо, что Хунхоры очистили Землю. Однако им достаточно лишь взглянуть на Шалтун, чтобы убедиться: мы сохранили наш мир в первозданном виде. Нам нет причин их бояться.

Саймон не стал бы утверждать, что общество шалтуниан выше всякой критики, однако счел дипломатичным промолчать.

– Космический Странник, ты говоришь, что намерен скитаться по Вселенной до тех пор, пока не найдешь ответы на свои вопросы. То есть, тебе хочется узнать, в чем смысл жизни, я правильно поняла?

Королева подалась вперед. В пламени свечей, обжигаяще-зеленые, блеснули ее глаза с вертикальными черными щелками. Ее платье распахнулось, и взору Саймона предстали гладкие сливочные курганы и их кончики, огромные и красные, как вишни.

– Можно сказать, что так, – ответил Саймон.

Королева резко поднялась, опрокинув при этом на пол стул, и хлопнула в ладоши. Дворецкий и чиновники моментально удалились и закрыли за собой двери. Саймона прошиб пот. В комнате сделалось жарко. Липкий запах кошачьей течки был настолько густ, что стал почти виден.

Королева планеты Шалтун, Маргарет, позволила платью соскользнуть на пол. Никакого нижнего белья под ним не было. Ее высокие, твердые, обнаженные груди вздымались пирамидками розового тщеславия.

Ее бедра напоминали соблазнительную лиру из чистого алебастра. Они были так ослепительно белы, как будто внутри них сияла лампочка.

– Космический Странник, твои скитания завершились, – прошептала она хриплым от похоти голосом. – Больше не ищи, ибо ты нашел. Ответ заключен в моих объятьях.

Саймон молчал. Тогда она, вместо того чтобы, как то подобает королеве, велеть ему подойти к ней, сама обошла стол.

– Бог свидетель, это прекрасный ответ, королева Маргарет, – произнес он. Его ладони были липкими от пота. – Я с благодарностью принимаю его. Однако считаю своим долгом предупредить вас, что буду с вами откровенен, и потому скажу, что завтра я должен снова отправиться в путь.

– Но ты нашел свой ответ, ты нашел его! – воскликнула она, притягивая его голову к благоуханной молодой груди.

Уткнувшись носом между двух упругих холмиков, Саймон что-то буркнул в ответ. Королева тотчас оттолкнула его на расстояние вытянутой руки.

– Что ты сказал?

– Я сказал, королева Маргарет, что то, что вы предлагаете, – это замечательный ответ. Просто он не совсем то, что я ищу в первую очередь.

* * *

Небо взорвалось рассветом, словно окно, разбитое золотым кирпичом. Саймон вошел в свой корабль. Этаким человеческий пончик, пропитанный усталостью, удовлетворением и ядреным духом мартовского кота, он едва держался на ногах. Обнюхав его, Анубис зарычал. Саймон протянул дрожащую, лишенную гормонов руку, чтобы его погладить.

Анубис впился в нее зубами.

8. Планета для некурящих

За ужином с королевой Маргарет Саймон выпил кубок шалтуннианского эликсира бессмертия. Перед тем, как он ушел, ему вручили два флакона эликсира для его питомцев. Саймон долго не решался предложить Анубису и Афине зеленую кисло-сладкую жидкость. Справедливо ли навязывать им долголетие? Дерзнул бы он сам выпить его, не будь он опьянен алкоголем и мускусным запахом королевы?

– Тебе может потребоваться несколько жизней, если не больше, чтобы найти то место, где известен ответ на твой главный вопрос, – сказала королева. – Разве не обидно было бы умереть от старости, держа курс на планету, где известен ответ?

– Ты сама мудрость, королева Маргарет, – ответил Саймон и опустошил кубок. Ни грома, ни молнии неизбежного бессмертия, к которым он морально приготовился, не последовало. Вместо этого он просто рыгнул.

Саймон посмотрел на пса – от стыда, что он укусил хозяина, тот забился за стул – и на сову, сидящую на своей излюбленной спинке кресла, – на ее оперении уже появились белые пятна.

В ходе обычного, субъективного времени через несколько лет оба будут мертвы. Возможно, будущее покажет, что там им будет даже лучше. С другой стороны, – Саймон был безнадежно амбивалентен, – кто знает, если он откажет им в эликсире, вдруг тем самым он лишит их некой огромной и продолжительной радости? Что, если бы им попалась планета, жители которой продвинулись в своих научных изысканиях так далеко, что смогли поднять разум своих животных до уровня человека? Тогда бы он мог общаться с ними, сполна наслаждаясь их обществом.

С другой стороны, это могло бы сделать их несчастными.

Саймон решил дилемму так: вылил эликсир в две чаши. Если эти двое захотят его выпить, пусть выпьют. Решение целиком и полностью остается за ними, что бы ни подсказала им их ущербная свобода воли. В конце концов, животные знали, что для них хорошо, и если запах бессмертия их оттолкнет, они к нему даже не прикоснутся. Анубис вылез из-под стула и приблизился к миске. Понюхав зеленую жидкость, он вылакал ее до дна. Саймон посмотрел на Афины.

– Ну? – спросил он.

– Кто? – ответила сова.

Через некоторое время она подлетела к своей миске и выпила ее содержимое.

Саймон встревожился. Вдруг он допустил ошибку? Собаки охотно сожрут яд, если его завернуть в стейк. Что, если аромат эликсира перебил запах опасных элементов?

В следующий миг он позабыл о своих тревогах. На экране высветилась информация о том, что корабль приближается к звезде с планетарной системой. «Хуанхэ» сбросил скорость, и через два дня они легли на орбиту шестой планеты гигантской красной звезды. Планета была земных размеров и имела пригодную для дыхания атмосферу, хотя содержание кислорода в ней было больше, чем на Земле.

Единственным искусственным объектом на планете была гигантская башня Клерун-Гоффов в форме сердца. Саймон несколько раз облетел вокруг нее, но, увидев, что она такая же гладкая, как и предыдущая, полетел дальше. Однако он так и не обнаружил признаков разумной жизни – никаких существ, которые бы пользовались орудиями труда, выращивали урожай и строили здания. Зато здесь была довольно любопытная животная жизнь, и Саймон решил изучить ее ближе. Он отдал кораблю приказ садиться и через несколько минут уже стоял на краю луга, на берегу янтарного моря.

Трава здесь была около двух футов в высоту, фиолетового цвета и увенчана желтыми цветами с пятью лепестками. По ним и над ними двигались около сорока существ пирамидальной формы футов тридцати в высоту. Их кожа, или хитиновый слой – Саймон не был уверен, что именно – были розовыми. Они передвигались на сотнях коротких ног, оканчивавшихся широкими круглыми лапками. На половине высоты их тела располагались глаза, по два на каждой грани, всего восемь, – огромные, круглые и светло-голубые, с длинными завитыми ресницами на веках. Вершину каждого пирамидального тела венчал розовый шар с двумя большими отверстиями на противоположных сторонах.

Было очевидно, что их рты располагались внизу, так как они оставляли за собой полосу скошенной травы. Он слышал работу жующих челюстей и урчание желудков.

Спрятав корабль в глубоком овраге за густым лесом, Саймон решил незаметно подкрасться к этим существам. Но фиолетовые твари в небе двигались к морю и, описав крутой поворот, по ветру устремлялись в его сторону. Эти были еще более диковинными, нежели существа, жующие цветы на лугу. Издалека они походили на цеппелинов, но у них под носом были два больших глаза, а на брюхе, примерно в двадцати футах от глаз, свернутые кольцами щупальца.

«Интересно, – подумал Саймон, – а как они едят? Наверно, странные органы на кончиках их носов и служили им ртами». Формой похожие на луковицы, они имели маленькое отверстие.

Прямо над небольшой луковицей виднелась еще одна дырка. Однако это был явно не рот, поскольку отверстие оставалось неподвижным. В задней части имелось еще одно отверстие, и еще, несколько меньших размеров, – на брюхе.

Их хвостовая часть была как у цеппелинов: огромные вертикальные рули и горизонтальные плоскости, но только поросшие по краям желтыми и зелеными перьями.

Саймон решил, что они должны иметь некий реактивный двигатель. Втягивая воздух через переднее отверстие, которое было жестким, они выталкивали его из заднего, которое то сжималось, то растягивалось.

Подлетев к лугу, огромные существа, снизили высоту. Испуская короткие резкие свистки, вожак стаи завис в тридцати футах над землей. Затем, пролетев между рядами пирамид, он запустил свой луковичный нос в отверстие в шаре одной из них. Края отверстия сомкнулись вокруг луковицы, крепко ее удерживая.

Все понятно – пирамида была живой причальной мачтой.

Через мгновение летающее создание отделилось от пирамиды, взяв курс прямо на куст, за которым спрятался Саймон. Вслед за вожаком со свистом устремились его собратья. Пирамиды сбились в кучу лицами вовнутрь. Или все же наружу, как стадо коров, которым угрожают волки? Где вообще у них перед, если глаза у них со всех сторон и никаких лиц? Как бы там ни было, они явно заняли оборонительную позицию.

Подняв руки вверх, Саймон вылез из укрытия. Вожак цеппелинов возвышался прямо над ним, в его огромных глазах читалась настороженность. Он вытянул щупальца, но касаться Саймона остерегся. Тот, в свою очередь, когда цеппелин приблизился к нему, едва не был сбит с ног. Зловоние было ужасным, хотя и довольно знакомым. Предположение Саймона о методе передвижения цеппелинов подтвердилось. Вместо того чтобы всасывать в себя воздух и, сжав его неким органом, выстреливать наружу, цеппелины приводили себя в движение, выпуская кишечные газы. Эти газы производили их огромные желудки, коих у них, как у коровы, было несколько. Саймон предположил, что в желудках содержатся необходимые для выработки газа ферменты. В данный момент вожак, чуть подпрыгивая вверх и вниз, завис примерно в десяти футах над землей, выпуская из отверстия спереди газ для противодействия ветру.

Саймон стоял и слушал, как цеппелин что-то свистит ему. Вскоре он понял: свистки были своего рода азбукой Морзе.

Саймон симитировал несколько точек и тире, чтобы показать, что он тоже разумное существо. После чего повернулся и зашагал к своему кораблю. Цеппелины увязались за ним, летя над деревьями, и пронаблюдали за тем, как он вошел в корабль. Внутри он увидел на экране, как они парят над кораблем, трогая его своими щупальцами. Не иначе как решили, что это тоже некое диковинное живое существо.

На следующий день Саймон вышел на край луга. Живые причальные мачты вновь переполошились, и к ним вновь слетелись цеппелины. Но через несколько дней они привыкли к нему. С каждым днем Саймон подходил к ним все ближе и ближе. К концу недели ему даже было позволено прогуляться среди пирамид. А еще через несколько дней пирамиды исчезли. Он обошел местность, пока не обнаружил их на другом лугу. Очевидно, на первом лугу они съели всю траву и цветы.

Язык цеппелинов давался Саймону с большим трудом. Большинство из них днем были слишком заняты, чтобы поговорить с ним. С наступлением темноты они цеплялись к шарам на вершинах пирамид и оставались там до рассвета. Когда же они говорили – вернее, свистели – исторгаемое ими зловоние было почти невыносимо. Но потом Саймон выяснил, что пирамиды тоже могут свистеть. Вот только делали это они не ртами на их основаниях, а посредством одного из отверстий в шарах на вершинах.

Пирамиды тоже испускали зловоние, но его он мог терпеть, если стоял по ветру от них. Кроме того, будучи самками, пирамиды были болтливей и лучше подходили на роль преподавателей, объясняющих все особенности языка.

Саймон им понравился, потому что теперь им было с кем и о ком поболтать. Самцы, похоже, большую часть времени проводили за своими играми в воздухе. В полдень они спускались к пирамидам за едой, но долго не задерживались и бесед не вели. С наступлением ночи они приземлялись снова, но только ради ужина и короткого полового акта. После которого они обычно дремали.

– Мы для них просто вещи, – с обидой заявила одна самка. – Источники питания и удовольствия.

Шар на вершине самки был весьма любопытным органом. Одно из его отверстий представляло собой комбинацию швартовочного замка, соска, выделявшего питательную кашу, и влагалища. Самки паслись на лугу, переваривали пищу и через сосок внутри шара кормили ею кончики носов самцов. В это отверстие также проникал тонкий и длинный, похожий на язык, половой орган самца. Отверстие на другой стороне шара было анусом и ртом. Оно сжималось и разжималось, издавая свистящую речь.

Саймон не горел желанием вмешиваться в супружеские дела этих существ. Однако, если ему хотелось получить информацию, он был вынужден продемонстрировать толику заинтересованности и сочувствия. Поэтому он просвистел вопрос самке, которую для себя окрестил Анастасией.

– Так и есть, – ответила Анастасия. – Мы делаем всю работу, а эти никчемные сукины дети весь день бездельничают и развлекаются.

Вообще-то Анастасия не говорила таких слов, как «сукины дети», но Саймон перевел их именно так. На самом деле она сказала что-то вроде «бздуны в буре».

– Мы, женщины, разговариваем между собой в течение дня, – сказала она. – Но вечером нам бы хотелось поговорить и с нашими мужчинами. В конце концов, они весь день парят в вышине, отлично проводя время, видя с небес разные интересные вещи. Но разве они, по-вашему, хотя бы на миг посвящают нас в то, что происходит за пределами этих лугов? Нет, все, что им нужно, это набить животы, трахнуть по-быстрому и погрузиться в сон. Когда же мы жалуемся, они говорят нам в ответ, что даже если расскажут нам, чем занимались и что видели, мы все равно ничего не поймем. И мы прозябаем здесь, привязанные к этим кро-

печным лугам, трудимся весь день, заботимся о детях, а они в это время в свое удовольствие носятся по небесам. Это несправедливо!

Саймон свистнул еще несколько сочувственных фраз, а затем спустился на берег, чтобы понаблюдать за самцами.

Он уже выяснил, что в желудках у них также образуется водород. Именно этот газ позволял им парить в воздухе. В качестве балласта они использовали воду, которую набирали из океана через полые щупальца. Когда им было нужно быстро набрать высоту, они выпускали воду и взмывали ввысь. Они вечно летали наперегонки, делали мертвую петлю и бочку Иммельмана, или же играли в разные игры – салки, догонялки, «догони жожака» или «поймай птичку». Последняя игра состояла в погоне за птицей. Ее преследовали до тех пор, пока не ловили, всосав в дюзы реактивного отверстия или вынудив сесть на землю.

Им также нравилось пугать на земле стада животных, резко снижая высоту и вынуждая их броситься в бегство. Выигрывал тот, чье стадо поднимало самое большое облако пыли.

У самцов имелся и другой способ общения, помимо свиста. Они также умели испускать короткие или длинные струйки дыма, соответствовавшие голосовым точкам и тире.

Этот способ позволял им разговаривать друг с другом на больших расстояниях или окликать своих приятелей, если им случалось заметить что-то интересное. Но они никогда не пользовались им в присутствии самок. И были несказанно рады тому, что у них имелся секрет. Разумеется, самки были в курсе, так как мужчины иногда хвастались им. Что лишь усиливало недовольство их прекрасных половин.

Саймон не задержался бы долго на этой планете, которой он дал название Жиффар, – в честь француза, который первым успешно поднял в небо летательный аппарат легче воздуха. Вряд ли у местных уроженцев имелись ответы на его вопросы. Но потом он поговорил с Графом, как он окрестил самого большого самца, который доминировал над стадом. Граф доверительно признался ему, что самцы тратили отнюдь не все свое время на игры. У них часто бывали философские диспуты, чаще всего во второй половине дня, когда они отдыхали. Плывая по океану или озеру, они обсуждали важные проблемы вселенной. Услышав это, Саймон решил подождать, пока не овладеет языком в той степени, чтобы беседовать с самцами о философии. Через несколько месяцев после приземления он спросил у Графа, не возьмет ли тот его на озеро, где самцы устраивали свои сходки. Граф сказал, что будет только рад.

На следующий день Граф обернул щупальце вокруг Саймона и взмыл с ним в воздух. Саймон был в восторге, хотя и немного испугался. Было бы лучше, если бы он прилетел к озеру в спасательной шлюпке. Но он жаждал новых приключений, а такое, как это, он вряд ли мог найти на какой-либо иной планете.

На полете к озеру Саймон вынул из кармана сигару и закурил. Это была хорошая сигара, сделанная из табака с плантаций Внешней Монголии. Саймон радостно попыхивал ею на высоте в несколько сотен футов над густым желтым лесом. Ветерок нежно оведал ему лицо, а в нескольких футах от него хлопала крыльями большая черная птица с красным гребнем. Со всех сторон его окружала умиротворяющая небесная синева. Это был один из тех редких моментов, когда Бог, казалось, и впрямь обитал на небесах, и с этим миром все было хорошо.

Увы, как обычно, сей редкий момент длился недолго. Внезапно Граф задергался вверх и вниз, отчего Саймона чуть не вырвало. Затем он резко свистнул, и щупальце вокруг талии Саймона распрямилось. Саймон ухватился за него и, повиснув, заорал на Графа. Когда приступ паники чуть поутих, он вынул изо рта сигару и свистнул Графу:

- В чем дело?
- Что ты делаешь? – свистнул в ответ Граф, словно паровой чайник. – Ты горишь!
- Что? – свистнул в ответ Саймон.
- Отпусти! Отпусти! Я сгорю!
- А я упаду, чертов дурак!

– Отпусти! Кому говорят!

Саймон посмотрел вниз. Они были теперь над озером, на высоте около сотни футов. Внизу в воде плавали сигарообразные самцы. Вернее, плавали секундой раньше. Внезапно они как по команде взмыли вверх, выпустили из полых щупалец балласт и бросились врассыпную.

Через пару секунд Саймон понял, что происходит. Он разжал пальцы и уронил сигару. Граф тотчас же прекратил дергаться, а через мгновение высадил Саймона на берегу озера. Однако его кожа была темнее ее обычного фиолетового цвета, и он заикался своими точками и тире.

– Огггонь эттто сссамая стттрашная вввещь на сссвете! Он едддиннсттвенное, чччего мммы бббоимся! Еггго изззобрелл дддьяввол!

Похоже, у жиффарцев имелась религия. Их дьявол, однако, обитал на небесах и передвигался с помощью струи горящего водорода. Когда наступал момент плохим жиффарцам отправиться в небесный ад, дьявол был тут как тут и мгновенно испепелял их пламенем из своего ужасного хвоста.

Хороших жиффарцев забирали под землю ангел-цеппелин, чьи кишечные газы благоухали цветами. Они утверждали, что их планета была полый, и рай находился внутри этой пустоты.

У местных обитателей имелось немало причудливейших представлений о религии. Впрочем, это не смутило Саймона, ибо на Земле ему доводилось слышать куда более странные вещи.

Саймон извинился, а затем объяснил, что за штуковина горела у него во рту.

Самцы дружно вздрогнули и запрыгали вверх и вниз. Один бедолага был так напуган, что, будучи не в силах контролировать свои выбросы газа, унесся прочь.

– Тебе лучше покинуть нас, – сказал Граф. – Прямо сейчас.

– О, отныне я буду курить только у себя на корабле, – ответил Саймон. – Обещаю.

Это слегка успокоило самцов. Но по-настоящему легко они вздохнули лишь после того, как он пообещал им, что установит повсюду таблички НЕ КУРИТЬ.

– Таким образом, – изрек Саймон, – если здесь приземлятся другие земляне, они воздержатся от курения.

Он не стал говорить им, что вряд ли кто-то с его родной планеты когда-либо прилетит сюда. Как не сказал и того, что на миллиардах планет их обитатели не умеют читать по-английски.

Увы, опасным в глазах самцов-цеппелинов Саймона сделал отнюдь не огонь. А идеи, которые он невинно ронял в беседах с самками. Однажды, когда Анастасия пожаловалась на то, что прикована к земле, Саймон предложил ей прокатиться. И тотчас понял, что зря это ляпнул. Но Анастасия не позволила ему сменить тему. На следующий день она попыталась уговорить своего супруга, Графа, прокатить ее. Тот отказался, а она в свою очередь так расстроилась, что каша, которой она его кормила, прокисла. После нескольких дней расстройства желудка он сдался.

Крепко держа Анастасию носом, он взмыл вверх. Остальные стояли или парили в воздухе неподалеку, наблюдая этот эпохальный полет. Граф поднял ее на высоту двух тысяч футов, выше которой он не мог левитировать. Однако ее вес тянул его нос книзу, отчего его хвост задрался намного выше его передней части. Это затрудняло его передвижение, и ему стоило неимоверных трудов вернуть ее на луг. Более того, по всей его коже выступили огромные капли желтоватого пота.

Зато Анастасия была в восторге! Другие самки тотчас же потребовали, чтобы супруги тоже прокатили их. Те с неохотой пошли им навстречу, однако столкнулись с теми же проблемами, что и Граф. В ту ночь самцы были слишком измучены, чтобы вступать с женами в половые сношения.

Невозможно сказать, что могло произойти в ближайшие несколько дней. Но на следующий день самки начали рожать. Возможно, причиной тому было волнение их первых воздуш-

ных рейсов, отчего они разрешились от бремени раньше срока. В любом случае, выйдя утром на луг, Саймон увидел там множество крошечных цеппелинов и причальных мачт.

Младенцы мужского пола взлетали к носовым отверстиям матерей и кушали там свою кашу. Девчоночки поедали траву рядом со своими родительницами.

– Видишь, даже при рождении мы, самки, подвергаемся дискриминации, – заявила Анастасия. – Мы прикованы к земле и вынуждены поглощать пищу, которая переваривается не так легко, как та, которую получают мужчины из верхушечных органов. Как обычно, самцам достается все самое лучшее.

– Функция следует форме, – изрек Саймон.

– Что? – просвистела Анастасия.

Саймон зашагал прочь, ругая себя за излишнюю болтливость. Он шел вдоль берега моря, думая о том, а не улететь ли ему в тот же день. Да, у него состоялась одна философская дискуссия с самцами, но она оказалась на уровне той болтовни, что он немало наслушался в раздевалке средней школы. Впрочем, он и не ожидал услышать более глубокие вещи. Однако он обещал Анастасии стать крестным отцом ее дочери. И потому решил дожидаться церемонии, которая должна была свершиться через три дня. Одна из слабых сторон Саймона состояла в том, что он постоянно боялся задеть чувства других. Он шагал вдоль изгиба пляжа, как вдруг увидел красивую женщину, выходящую из морской пены.

9. Чворктэп

Саймон был потрясен не менее чем капитан Крузо, когда тот увидел отпечаток ноги Пятницы. Кстати, по земному календарю на борту его корабля сегодня была как раз пятница! Еще одно совпадение, какое бывает только в плохих романах. Но еще более непростительно – в романе, а не в Природе, которую меньше заботят совпадения – было то, что сцена эта была едва ли не точной копией знаменитой картины Боттичелли «Рождение Венеры». Нет, она не стояла на створке гигантской ракушки, и рядом с ней не было девушки-прислужницы, готовой набросить на нее покрывало. Не было и духа ветра, несущего раковину по волнам. Но береговая линия, деревья и цветы, плавающие в воздухе позади нее, напоминали те, что изобразил великий живописец.

У самой женщины, когда она вышла из моря, чтобы встать перед ним обнаженной, оказались волосы той же длины и цвета, что и у Венеры Боттичелли. Тем не менее, она была гораздо симпатичнее и имела куда более красивое тело – с точки зрения Саймона, во всяком случае. Она не прикрывала одной рукой грудь, кончики ее волос не закрывали ее лобок. Ее руки лежали у нее на губах.

Саймон, улыбаясь, медленно подошел к ней, и она опустила руки. Нет, они не понимали язык друг друга, но она указала вглубь острова, а затем повела его за собой в лес. Здесь, под ветвями огромных деревьев, стоял небольшой космический корабль. Они вошли в открытый люк. Внутри она усадила Саймона в кресло в небольшой каюте и угостила его спиртным напитком – чем-то вроде коктейля из алкоголя и незнакомого фруктового сока. Она вышла в соседнюю комнату, и вернулась уже одетой. На ней было длинное платье с низким вырезом, сплошь в серебряных блестках. Такие обычно носят хозяйки борделей.

Прошло несколько недель, прежде чем она довольно бегло заговорила по-английски. Тем временем Саймон забрал ее на свой корабль. Анубис и Афина, похоже, прониклись к ней симпатией, но при виде совы незнакомка начинала нервничать. Позднее Саймон узнал почему.

Чворктэп была не только красива, с ней было весело. Она говорила весьма забавно. Саймон ни разу не встречал никого, кто знал бы так много разных историй, причем все до одной были жутко смешные. Более того, она никогда не повторялась. Более того, она, казалось, чувствовала, когда Саймон не был расположен говорить. Это было большим прогрессом по сравнению с Рамоной. Она также любила слушать его игру на банджо.

Однажды Саймон, возвращаясь с прогулки, услышал свое банджо. Тот, кто играл на нем, играл хорошо, почти в его стиле. Не зная он, что к чему, он бы счел это записью. Он поспешил внутрь корабля и застал там Чворктэп, играющую на банджо. Причем играла она так, будто родилась с этим инструментом в руках..

– У вас на Зельпсте есть банджо? – удивился он.

– Нет.

– Тогда как ты научилась играть на нем?

– Я наблюдала за тобой, как ты это делаешь.

– Я потратил двадцать лет на то, чему ты научилась за несколько часов! – воскликнул он. Ему не было обидно, он был просто поражен.

– Естественно.

– Почему естественно?

– Это один из моих талантов.

– У вас на Зельпсте все такие талантливые, как ты?

– Не все.

– Было бы интересно слетать туда.

– Я бы не стала, – сказала она.

Саймон взял у нее банджо, но, прежде чем успел спросить у нее что-то еще, она сказала:
– Через минуту будет ужин.

Она открыла духовку. В нос Саймону ударил запах еды. Он тотчас пришел в экстаз. В детстве его перекормили китайской кухней – овощным рагу, лапшой и кисло-сладкой свининой, он же был слишком мягок, чтобы для смены диеты убивать кого-то, если только не умирал с голоду. И тут вошла Чворктэп с большим подносом, на котором горкой высились гамбургеры, картофель-фри, молочные коктейли, кетчуп, горчица и пикули с укропом!

Набив желудок и выкурив большую сигару, Саймон спросил у нее, как она сотворила это чудо.

– Ты сказал мне, какая еда тебе больше всего нравится. Или ты забыл, как я спросила у тебя, из чего это сделано?

– Отчего же, отлично помню.

– Я пошла и подстрелила одну из диких коров, – сказала Чворктэп. – Разделав тушу, я положила одну ее часть в морозильник, после чего отправилась на поиски растений и овощей, например, чего-то вроде картофеля. Заодно нашла и другие, эти пошли на горчицу и кетчуп. Я также нашла нечто похожее на огурец, и засолила его. У меня весьма обширные познания в области химии.

– Я не знал, – сказал Саймон, покачав головой.

– А еще я нашла в кладовой шоколад и сухое молоко. Добавив к ним несколько других ингредиентов, я приготовила мороженое и шоколадный соус.

– Невероятно! – воскликнул Саймон. – А что еще ты умеешь делать?

– ...

Она встала и расстегнула молнию на платье. Платье соскользнуло на пол, а сама она усеелась Саймону на колени. Ее поцелуй был нежным и горячим, с привкусом молочного коктейля и кетчупа. Саймону не пришло в голову больше ни одного вопроса. Позже, приняв душ и двойную порцию рисового вина, он сказал:

– Надеюсь, ты не беременна, Чворктэп. У меня нет никаких противозачаточных средств, и я не догадался спросить, есть ли они у тебя.

– Я не могу забеременеть.

– Прискорбно это слышать, – ответил он. – А ты хотела бы иметь детей? При желании всегда можно усыновить ребенка.

– Во мне нет материнского инстинкта.

Саймон был озадачен.

– Откуда ты это знаешь?

– Я не запрограммирована на материнскую любовь. Я робот.

10. Проблема на Жиффаре

Саймон был потрясен. Во время близости с Чворктэп он не почувствовал ничего, кроме обычной смазки. Ни в ней, ни на ней не было ни пластика, ни пенорезины, ни металла.

– Почему ты так побледнел, любимый?

– Почему я так побледнел? – переспросил он. – Как я понял, это вопрос, а не констатация факта. Кстати, ты и сама бледна.

– Мне просто не приходило в голову, что ты не знаешь, – сказала она. – Как только я подумала об этом, то решила сказать тебе правду. Я запрограммирована говорить правду. Так же, как настоящие люди запрограммированы лгать, – добавила она после недолгой паузы.

Неужели робот мог быть злым или даже ехидным? Да, если он так запрограммирован. Но кто это сделал? И с какой целью? Кто-то, кому хотелось унижить людей или же разъярить их, и поэтому он предусмотрел в своем роботе специальные схемы?

Но робот, который способен на эмоции? Столь сильные, что она... Саймон отказывался воспринимать Чворктэп как машину – так сильно побледнела она, или, наоборот, залилась краской? Бред какой-то! Но с другой стороны, что ему известно о таких роботах? Наука на Земле еще не продвинулась до такой степени, чтобы создать разумную копию человека. Пока ей было по силам лишь облечь металлопластиковую электромеханику в искусственный белок. Но телодвижения земных роботов были такими резкими, такими механическими, что даже малый ребенок понял бы, что это машина. Ее планета, Зельпст, в области науки и техники явно ушла далеко вперед.

Можно ли влюбиться в вещь?

«Почему бы и нет», – со вздохом подумал Саймон. Он любил свое банджо. Другие люди, множество других людей, питали страсть к автомобилям, самолетам, стереоаппаратуре, редким книгам и велосипедным седлам. Но Чворктэп определенно была человеком, и между любовью к женщине и любовью к антикварной мебели наверняка существовала разница.

– В целом, я – биоробот, – сказал Чворктэп. – В меня, конечно, вмонтированы миниатюрные платы, а также несколько атомных энергетических блоков и конденсаторов. Но в основном я состою из плоти и крови, как и ты. Разница лишь в том, что ты был произведен случайно, я же была специально разработана группой ученых. Нравится тебе это или нет, но ты был вынужден принять все гены – хорошие или скверные, – которые ты получил от родителей. Мои гены были тщательно отобраны из ста моделей, а затем сведены воедино в лаборатории. Искусственную яйцеклетку и сперму поместили в пробирку, там сперма оплодотворила яйцеклетку, и я провела мои девять месяцев в колбе.

– Тогда у нас есть, по крайней мере, что-то общее, – признался Саймон. – Моя мать, эгоистичная старая сука, отказалась меня вынашивать.

– Зельпстиане тоже проводят свои первые девять месяцев жизни в колбах, – сказала она. – Взрослые особи отправляют свои яйцеклетки и сперматозоиды по почте, а, когда кто-то умирает, Бюро Контроля Народонаселения, которым управляют роботы, создают в пробирке нового ребенка. Одновременно создается сотня младенцев-роботов. Из них воспитывают спутников и слуг человеческого ребенка. Они также социально запрограммированы любить своего человеческого хозяина и восхищаться им. Единственные взрослые, которых видит человеческий ребенок, – это роботы, которые выполняют роль суррогатных родителей.

Обитатели Зельпста поставили перед собой цель обеспечить всех и каждого всеми удобствами своей великолепной технологии. Что еще более важно, каждый человек был избавлен от страданий и фрустраций, которые в глазах землян – их неизбежные спутники. Ребенку не позволялось лишь то, что способно угрожать его жизни. Когда же он или она достигали половой зрелости, им выделялся замок, в котором они жили до конца своих дней, окруженные всеми

материальными удобствами и сотнями роботов. Ни внешностью, ни поведением эти роботы не отличались от людей, за исключением того, что были неспособны грубить своему владельцу. Они вели себя так, как владелец хотел, чтобы они себя вели. Они были запрограммированы быть теми, с кем хозяину или хозяйке замка было приятно общаться.

– Мой хозяин, Заппо, обожал искрометные, остроумные беседы, – продолжила она. – Поэтому мы все были искрометными и остроумными. Но он не любил, чтобы кто-то из нас превосходил его в остроумии. Поэтому всякий раз, когда мы открывали рот, чтобы выдать во всеуслышание нечто неординарное, эта ремарка перенаправлялась на специальную плату, которая гасила импульс. Все роботы-мужчины были импотентами, потому что Заппо хотел трахать женщин-роботов сам. Стоило им подумать об эрекции, как эта мысль перенаправлялась на специальную плату, где превращалась в мощное чувство стыда и вины. Если же у кого-то возникало желание как следует врезать этому Заппо, а оно, поверь мне, возникало не раз, этот импульс также превращался в стыд и раскаяние. Плюс, вдобавок, в жуткую головную боль.

– То есть, вам всем были даны самосознание и свобода воли? – уточнил Саймон. – Почему же программисты не исключили этого в роботах?

– Любой, кто имеет достаточно сложный мозг, чтобы использовать язык остроумным или творческим образом, должен обладать самосознанием и свободой воли, – ответила Чворктэп. – Без этого просто нельзя. Всё, даже машина, состоящая исключительно из кремниевых и металлических деталей и электрических проводов, – всё, что использует язык, как человек, – это человек.

– Боже мой! – воскликнул Саймон. – Представляю, как вы страдали! Неужели никто из вас ни разу не сорвался?

– Бывало, но наши дурные мысли быстро перенаправлялись обратно на нас же самих. Это делалось для того, чтобы мы не причинили вреда нашему хозяину. Время от времени кто-то из роботов совершал самоубийство. Когда такое случалось, хозяин просто заказывал нового. Иногда конкретный робот ему надоедал, и тогда он убивал его. Заппо был тот еще садист.

– Я бы подумал, что тот, кто вырос, окруженный исключительно любовью, добротой и восхищением, сам должен быть добрым и любящим человеком.

– Это не всегда так, – ответила Чворктэп. – Люди запрограммированы своими генами. В известной мере они также запрограммированы своим окружением. Но именно гены определяют, как они будут реагировать на окружающую среду.

– Знаю, – сказал Саймон. – Некоторые люди рождаются агрессивными, а другие пассивны всю свою жизнь. Ребенок может вырасти в католической семье, и все его братья и сестры всю свою жизнь будут оставаться набожными католиками. Он же станет упоротым атеистом или же членом баптистской церкви. Или еврей отречется от веры своих отцов, но все равно при мысли о ветчине ему всякий раз становится дурно. Или же мусульманин на все сто процентов верит Корану, но вечно борется с тайным желанием пожевать свининки. И вновь за все отвечают гены.

– Типа того, – согласилась Чворктэп. – Хотя все не так просто. В любом случае, хотя устройство зельпстского общества и было тщательно продумано с целью предотвращения у людей отрицательных эмоций, оно не было на сто процентов эффективным. Во всем найдется какой-либо изъян. Заппо был недоволен тем, что его роботы не любили его таким, каков он есть.

Он вечно спрашивал нас:

«Ты меня любишь?». И мы всегда отвечали: «Ты единственный, кого я люблю, уважаемый хозяин».

И тогда он краснел и орал:

«Ты, безмозглая машина, тебе больше нечего сказать! Я хочу знать, если бы я вынул из тебя плату перенаправления мыслей, ты бы сказал, что любишь меня?». И мы отвечали:

«Конечно, хозяин». И он еще больше злился, и срывался на крик: «Но ты *на самом деле* любишь меня?» Иногда он бил нас. Мы молча сносили его рукоприкладство. Мы не были запрограммированы постоять за себя, и он кричал: «Почему вы не даете мне сдачи?!».

Иногда мне бывало его жалко, но я не могла даже сказать ему об этом. Пожалеть его – значит унижить, а всякая недостойная мысль тотчас гасилась.

Заппо знал, что, когда он занимался со мной любовью, мне это нравилось. Ему не нужна была машина для мастурбации, поэтому он специально оговорил, чтобы все его роботы, будь то мужчины или женщины, реагировали, как люди. В любой любовной позе у нас всегда бывал бурный оргазм. Он знал: наши крики экстаза были неподдельными. Но даже ученым было не под силу заставить нас любить его. И даже сумей они заставить нас автоматически любить его по умолчанию, Заппо это вряд ли бы удовлетворило. Он хотел, чтобы наша к нему любовь была нашим собственным свободным выбором, чтобы мы любили его лишь потому, что его нельзя было не любить. Но он не осмелился убрать гасящие цепи, ведь тогда, скажи мы ему, что его не любим, он бы этого не вынес. Поэтому он постоянно пребывал в аду своих нереализованных желаний.

– Как и вы все, – посочувствовал Саймон.

– Это да. Заппо часто говорил, что все в замке, включая его самого, – роботы. Мы были специально созданы роботами, он же стал им по чистой случайности. Яйцеклетка и сперматозоиды его родителей определили его достоинства и пороки. Свободной воли у него было не больше, чем у нас.

Саймон взял в руки банджо, настроил его и произнес:

– Бруга изложил весь философский дискурс в одном стихотворении. Оно называется «Афродита и Философы». Я сейчас спою его для тебя.

– Зримый мир, – изрек Сократ,
– Лишь тень и наваждение, брат!
– Да нет же, братцы, мы все монады,
– Изрек юный Лейбниц, посеяв гонады.
Старина Кант был во всем тики-так!
Вставал его член по часам? Когда как.
А пресловутый императив?
Эх, ему б позадорней мотив!
Будь нос Клеопатры чуток короче,
Восхищался б папаша своею дочей?
А как там у Цезаря по части траха?
Вставал его член без упрека и страха?
Он точно елозил при виде Брута
До самой своей последней минуты.
Виват, Император! Он трахал весь мир,
И не имел недостатка дыр.
Кто-то скажет: стрела Купидона
Сильнее любого царя и закона.
Вам подтвердит это Кларенс Дарроу —
Мол, каждый имеет право на пару.
И нечего нас пугать развратом,
Если к молекуле клеится атом.
Мы все незримой связаны нитью,
Что так и тянет нас всех к соитию.
Телка в восторге: заарканила шейха!

Но ты заарканить его сумеи-ка!
Невдомек дурехе, что она просто цыпа
В лапищах у плотоядного типа!

– Это лишь список искателей ответов, – заметила Чворктэп. – Бругой, как и тобой, двигал специфический набор генов, который вынуждал его искать несуществующие ответы.

– Возможно, – согласился Саймон. – Но как объяснить то, что ты, лишенный свободы воли робот, сбежала от своего хозяина?

– Совершенно случайно. В припадке ярости Заппо ударил меня вазой по голове. Я потеряла сознание, а когда пришла в себя, то поняла, что могу его послушаться. Удар разнес вдребзги главную плату. Конечно, я не стала ему этого говорить и при первой же возможности угнала космический корабль. На Зельпсте давно отказались от исследования космоса, но в музеях, которые никто не посещает, до сих пор пылятся космические корабли. Я какое-то время странствовала, пока не наткнулась на эту планету. Никаких людей на ней нет, по крайней мере, так я сразу подумала. Я собиралась остаться здесь навсегда. Но вскоре мне стало одиноко. Я ужасно рада, что встретила тебя.

– И я тоже, – сказал Саймон. – Значит, ты получила свободу из-за неисправности цепи?

– Думаю, да. И это меня беспокоит. Что, если новый несчастный случай восстановит работу цепи?

– Это вряд ли.

– Конечно, – сказала она, – я запрограммирована отнюдь не полностью. Да и кто другой, будь он робот или человек? У меня есть определенные предпочтения в еде и напитках, я терпеть не могу птиц...

– Это почему же?

– Однажды, будучи ребенком, Заппо был атакован птицей. Поэтому все его роботы были запрограммированы ненавидеть птиц. Он не хотел, чтобы мы хоть в чем-то превосходили его.

– Я бы не стал ставить это ему в упрек, – изрек Саймон. – Ну так как, Чворктэп? Согласна полететь со мной?

– А куда?

– Куда угодно, пока я не найду ответ на мой главный вопрос.

– И каков он?

– Почему мы рождаемся для страданий и смерти?

– Ты хочешь сказать вот что, – произнесла она. – Ничто другое не имеет значения, будь у нас бессмертие.

– Без бессмертия Вселенная бессмысленна, – заявил Саймон. – Этика, мораль, общество в целом – все это лишь средства прожить жизнь с наименьшей болью. Их можно свести к одному термину: экономика.

– Экономика, которая всегда эффективна не более чем на тридцать процентов, – заявила Чворктэп.

– Откуда тебе знать? Ты же была не везде.

– А разве ты бываешь повсюду?

– По возможности. Но я уже вычеркнул из списка мою галактику. Из того, что я читал, я знаю: ответа там нет. Но как насчет тебя, Чворктэп? А как насчет твоих генов? Большая их часть – искусственные. Поэтому у тебя не должно быть генного шаблона, который бы предопределял твои реакции на философские проблемы.

– Я – пестрый ковер хромосом, – ответила она. – Все мои гены основаны на тех, что когда-то существовали. Каждый скопирован с гена определенного человека, хотя каждый при этом является улучшенной моделью. Но во мне собраны гены многих людей. Можно сказать, что у меня тысяча родителей, сто тысяч бабушек и дедушек.

В этот момент их беседа была прервана оглушительным грохотом снаружи корабля. Они поспешили вон и вот что увидели: в четверти мили от них лежали, разбившись, жиффарцы, он и она. Самец загорелся первым, и вскоре под сильным ветром оба полыхали ярким пламенем. Это была не первая авария такого рода, и вряд ли последняя. Настойчивость самок, требовавших прокатить их по воздуху, стала причиной многочисленных несчастных случаев, как правило, со смертельным исходом.

Вес самки тянул носовой конец самца вниз. Чтобы держать высоту, он был вынужден прогонять газовый поток через носовой ход на полной скорости. Пара резко взмывала вверх, после чего самец начинал терять силы. И тогда оба падали.

– И вся королевская конница, и вся королевская рать не могли их снова собрать, – пробормотал Саймон.

– Почему они не перестанут это делать? – удивилась Чворктэп.

– Ими руководят гены, – злорадно ответил Саймон.

– Если они будут продолжать в том же духе, они вымрут, – сказала она. – Даже не будь никаких аварий, они бы вымерли. Пока самка находится в воздухе, она ничего не ест, и детеныши не получают нужного количества пищи. Посмотри, как они отощали!

Саймону не было дела до жиффарцев, что не помешало ему вмешаться в их дела. В сумерках, когда самцы спустились с небес и вместе с детенышами прицепились к самкам, он вышел на луг, где предложил им разрешить конфликт. Пусть они выберут его в качестве объективного судьи и примут вынесенное им решение.

Разумеется, они отвергли его помощь. Но спустя несколько дней, после того как насмерть разбились еще три пары, к нему пришли самец и самка. Самку звали Амелия, самца – Фердинанд. Граф и Графиня, вожак и его супруга, разбились накануне. Амелия и Фердинанд заняли их место у руля общества. Состоялись похороны. Саймон даже принес цветы. Проповедник стада произнес в честь покойных хвалебную речь. Графа превозносили за его выдающиеся лидерские качества, хотя все прекрасно знали, что это был редкий лентяй и бездельник, привыкший спихивать свои административные обязанности на подчиненных. Ему также возносились хвала, как верному супругу, хотя ни для кого не было секретом, что это был любитель заманить молоденьких самочек на ту сторону леса и что добрая половина стада могла бы назвать его своим отцом. Проповедник отзывался о нем, как об образцовом семьянине, хотя все знали, что он привык лишь гаркать на детей, когда те донимали его, после чего мощным пуком сдувал их с глаз подальше.

Графиня удостоилась хвалы, как терпеливая и трудолюбивая супруга и мать. Возможно, она была трудолюбива, но что касалось ее муженька, то она частенько поносила его последними словами, и ее ехидные сплетни были притчей во языцех.

Впрочем, Саймон не узрел в этом ничего странного. Он не раз бывал на подобных церемониях. По завершении похорон Амелия и Фердинанд попросили Саймона встретиться с ними на следующий день.

И вот сегодня они пришли к нему. Их просьба была простой и нелегкой одновременно. Саймон должен решить, должны или нет продолжаться эти парные полеты. Самкам все еще хотелось летать в небесах, самцы наотрез отказывались это делать.

Саймон ответил, что принимает это поручение, однако прежде, чем он вынесет решение, ему потребуется несколько дней.

Через двое суток Саймон заперся на борту «Хуанхэ». Самки осаждали его со всех сторон, предлагая все, что у них было, лишь бы только он вынес решение в их пользу. Даже будь он продажен до мозга костей, он не прельстился бы их предложениями. Попробуй только он вступить в плотскую связь хоть с одной из этих дамочек, как тотчас провалится сквозь огромное отверстие прямоком ей в желудок. Перспектива полакомиться отгрыгнутой пищей тоже оставила его равнодушным.

Самцы предлагали катать его целый день. Более того, в полете он мог бы даже курить! Он будет болтаться, как можно дальше от их брюха на среднем щупальце. Нет, конечно, они не гарантировали, что удержат его. Но в качестве дополнительного стимула предлагали выбрать его вожакom стада. Фердинанд был не в восторге от этой идеи, но, что касается остальных, те были готовы послать его как можно дальше.

Саймон даже задраил все люки, чтобы не слышать слезных просьб самок, которые обступили «Хуанхэ» со всех сторон и умоляюще пыхтели на него. Однако чтобы не сойти с ума, сидя взаперти, он был вынужден время от времени поглядывать на экран. Всякий раз, когда он делал это, ему были видны огромные черные точка-тире облака, которые выпускали в небесах над его кораблем самцы. Впервые в жизни он лицезрел небо, испещренное самыми грязными непристойностями.

– Какое бы решение ты ни принял, твоя жизнь будет в опасности, – заметила Чворктэп. – Почему бы нам сразу не улететь отсюда?

– Я дал слово.

– И что будет, если ты его не сдержишь?

– В космических масштабах ничего серьезного. Но для меня это будет значить, что я не состоялся как личность. Что у меня нет чувства собственного достоинства, нет целостности характера. Люди не смогут мне доверять, потому что я не могу доверять себе сам. Все, включая меня самого, будут меня презирать.

– То есть, ты скорее умрешь?

– Думаю, да, – ответил Саймон.

– Но ведь это полнейшая бессмыслица.

– Если люди не будут сдерживать обещаний, общество развалится.

– И сколько землян их сдержали?

– Немного, – ответил Саймон, подумав пару мгновений.

– И земное общество развалилось?

– Нет, конечно, – ответил он, – однако оно постоянно давало сбои.

– Так что ты скажешь жиффарцам? – спросила Чворктэп.

– Пойдем со мной, и ты узнаешь.

Сопровождаемый Чворктэп, псом и совой, Саймон вышел через лес на луг. Встав на его краю, он выпустил знак в виде ракеты. При виде ее самки вразвалочку поспешили к ним по лугу, а самцы устремились вниз с небес. Молодняк продолжал резвиться. Когда самцы стали на прикол, обвив щупальцами крупные камни, Саймон предложил новую систему.

– Надеюсь, мое решение всех устроит, – произнес он. – Это своего рода компромисс, но без него в этом мире ничего невозможно достичь.

– Только не пытайся подкупить нас, – просвистел ему Фердинанд. – Мы знаем, что правильно, а что нет.

– Только попробуй отнять у нас наши, с огромным трудом завоеванные права! – просвистела Амелия.

– Умоляю вас! – вскинул руку Саймон. – У меня есть план, согласно которому все самки смогут совершать полеты. Причем, это будет совершенно безопасно. Больше никаких падений. Единственное, что нужно сделать, это пересмотреть ваши брачные отношения.

Саймон подождал, когда буря возмущенных свистков уляжется, а ветер разгонит злово-ние.

– Вы моногамны, – продолжил он. – Один самец всю жизнь женат на одной самке. Это хорошая система, если вам интересно объективное мнение пришельца, привыкшего чаще ее нарушать, нежели соблюдать. Но если самки хотят летать, ее придется изменить.

Последовала новая буря возмущения. От свиста у Саймона не только заложило уши, но он также едва не задохнулся.

– Почему бы вам не ввести полиандрию? – сказал он, когда та улеглась.

– А что это? – помимо всего прочего просвистели жиффарцы.

– У вас самец имеет право совокупляться с самкой через ее рот-вагину только при условии, что он на ней женат. Но что если самка будет одновременно замужем за двумя самцами?

Самки не проронили ни единого свиста, вращая всеми своими восемью глазами, что на жиффарский лад означало глубокую задумчивость. Самцы возмутились, взорвавшись оглушительным свистом и облаками сульфидов, отчего Саймон и Чворктэп были вынуждены искать спасения в кустах.

– Это вопрос логики, – продолжил Саймон, когда снова вышел на луг. – Самку безопасно могут нести лишь два самца. Ее вес будет распределен между ними поровну, а значит, они будут меньше уставать. Больше никаких падений не будет.

– И как это возможно устроить? – спросил Фердинанд.

– Оба самца соединятся с одной самкой, один через ротовое отверстие на вершине, второй – через анальное. Два самца легко поднимут в воздух одну самку. В один день полет совершит одна половина самок, на следующий – другая. И так далее, в порядке очереди. Это же так просто! Не знаю, как вы сами не догадались...

На счастье Саймона, самки были слишком толсты и неповоротливы, чтобы продрасться сквозь лесные заросли, а самцы – вынуждены преодолевать сильный встречный ветер. Взявшись за руки, Саймон и Чворктэп бросились наутек. Анубис с воем устремился следом за ними, сова кружила над их головами. И все равно, когда все четверо выбежали из леса, самцы отставали от них всего на несколько футов. Когда же они добежали до корабля и буквально влетели в люк, от щупалец Фердинанда их отделяли лишь три шага. Саймон задраил люк и приказал компьютеру осуществить немедленный взлет.

– Пусть это послужит тебе хорошим уроком, – задыхаясь, сказала Чворктэп.

– Откуда мне было знать, что они так разозлятся? – парировал Саймон.

Спустя много лет ему как-то раз повстречался обитатель Шекшекеля, который приземлился на Жиффаре через пятьдесят лет после того, как там побывал Саймон.

– Мне рассказывали про тебя, – сказал шекшекель. – Они до сих пор называют тебя не иначе как Содомит Саймон.

11. Лалорлонг

Через несколько дней «Хуанхэ» взял курс к планете Лалорлонг. Чворктэп сказала Саймону, что слышала, что на этой планете якобы обитает раса философов.

– Им больше нечего делать, кроме как предаваться размышлениям.

– Тогда нам туда, – заявил Саймон. – Сдается мне, если у кого-то и есть ответы, то только у них.

Как же иначе? Это была планета примерно тех же размеров, что и Земля, которая недавно потеряла всю воду на своей поверхности. Немного воды оставалось лишь вокруг полюсов. Эрозия заполнила океанские впадины и отполировала сушу, и теперь планета представляла собой гладкий шар. Из-за наклона оси разница температур полярных и экваториальных областей приводила к сильным ветрам. Направление их было легко предсказуемо.

Единственным объектом, выступавшим над гладкой поверхностью, была гигантская башня Клерун-Гоффов в виде сердца. Но и та завалилась на бок, так как ее каменное основание подверглось ветровой эрозии. Саймон специально пролетел над ней, чтобы взглянуть. Никаких признаков жизни он не увидел, впрочем, он их и не ожидал. Построенная примерно миллиард лет назад, башня рухнула сотни миллионов лет назад. «Уж громыхнуло, так громыхнуло», – подумал Саймон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.